

МАРКИЗ

де САД

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
ИЗАБЕЛЛЫ БАВАРСКОЙ

18+

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

**Тайная история
Изабеллы Баварской**

«Издательство АСТ»

1814

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

де Сад Д.

Тайная история Изабеллы Баварской / Д. де Сад — «Издательство АСТ», 1814 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-157204-4

Последний роман самого одиозного французского писателя XVIII века – маркиза де Сада. В 1764 году маркиз де Сад обнаружил в монастыре Шартре в Дижоне документы, позволившие ему пролить свет на историю жизни одной из самых неоднозначных женщин Средневековья – королевы Франции Изабеллы Баварской, супруги короля-безумца Карла VI, эксцентричной, жестокой, любившей радости плоти и искусства, но по-своему весьма реалистичной правительницы, выступавшей за заключение вечного союза между Францией и Англией... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-17-157204-4

© де Сад Д., 1814
© Издательство АСТ, 1814

Содержание

Предисловие,	6
Предисловие	11
Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маркиз де Сад

Тайная история Изабеллы Баварской

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление А. Фереа, Е. Фереа

Дизайн обложки В. Воронина

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры «Торжественный въезд Изабеллы в Париж 22 августа 1389 года» из «Хроник» Ж. Фруассара

© Перевод. Е. Морозова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Тайная история Изабеллы Баварской,

содержащая редкие, прежде неизвестные, а также давно забытые факты, тщательно собранные автором на основании подлинных рукописей на языках немецком, английском и латинском

Предисловие,

необходимое для понимания принципов, руководивших автором при написании сего сочинения

По невежеству либо по малодушию никто из авторов, посвятивших свое перо истории царствования Карла VI, не показал его жену Изабеллу Баварскую такой, какой она была на самом деле. Не многие эпохи правления вызвали столь неподдельный интерес, мало в какие эпохи совершалось столь великое множество преступлений, а потому мы решили разоблачить сии преступления и разъяснить причины, побудившие Изабеллу совершать зло, оскорблявшее время, в коем она жила. Если бы мы ставили задачей выразить наше возмущение тем временем, мы бы, не углубляясь и не проверяя, что пишут нынешние историки, просто повторили бы всё, что говорят они.

Наука обогащает наши познания, а раз научные изыскания приводят нас к новым открытиям, значит, история также вправе надеяться, что со временем мы отыщем еще больше фактов, легших в основу исторического повествования.

Нас учат: те, кто писал в ту далекую эпоху, видели все собственными глазами и, следовательно, им надобно доверять. Возможно, наше мнение покажется кому-то парадоксальным, но мы утверждаем: именно те, кто видел все сам, менее всего достойны доверия; авторитет их велик в глазах непросвещенных, мы же не склонны верить им вовсе.

Тот, кто с нами не согласен, вряд ли задумывался над тем, отчего ошибается чаще всего не историк, а очевидец событий. У очевидцев больше всего оснований скрывать истинную подоплеку событий, о которых они повествуют, ибо они рассказывают о добродетелях, царивших в эпоху, породившую их самих, а значит, им приходится отдавать дань лести, равно как и остерегаться разоблачать преступления правителей, ибо правители эти здравствуют и процветают.

Следовательно, нельзя написать достойный рассказ о каком-либо событии, ежели ты видел его собственными глазами?

Нет, мы этого не утверждаем, а всего лишь хотим уточнить: когда пишешь историю, нельзя идти на поводу собственных страстей, предубеждений и пристрастий, но, когда ты сталкиваешься непосредственно с событиями, избежать либо одного, либо другого совершенно невозможно. Мы сами так полагаем и хотим убедить других, что для беспристрастного рассказа о каком-либо событии надобно отдалиться от него, иначе говоря, подождать, когда оно станет достоянием прошлого, дабы обезопасить себя от лжи, порожденной страхом или надеждой, желанием понравиться или боязнью навредить. Автор, воссоздающий историю государства в тот период, когда он сам жил в нем, лишен той основы для повествования, кою дают нам правдоподобие и предположения, равно как и материалов, осмотрительно спрятанных от глаз современников и попадающих в руки историка только тогда, когда причин прятать их и далее уже не существует, – словом, автор-современник лишен множества источников, откуда он в состоянии черпать факты для своего рассказа.

Поэтому, не претендуя на парадоксальность наших утверждений, мы продолжаем настаивать, что история любого столетия будет написана лучше век спустя после того, как события свершились, нежели тогда, когда ты сам являешься свидетелем сих событий.

И еще одна истина: если для написания романа требуются богатое воображение и жар души, то описывать историю можно, только вооружившись спокойствием и хладнокровием, ибо обязанности сочиняющих романы и пишущих историю отличаются чрезвычайно! Рома-

нист обязан рисовать людей такими, какими они могли быть; историк же должен представить их нам такими, какие они есть; романист, ежели говорить по строгости, избавлен от необходимости описывать преступления; историк же обязан изображать их, ибо они характеризуют его персонажей; историк должен рассказывать, ничего не придумывая, в то время как романист, согласно желанию своему, вправе писать только то, что он выдумал.

И разумеется, подобные различия порождают разницу в побуждениях, заставляющих и авторов, и историков братья за перо; несходство сие, как видится нам, заключается в том, что писатель вкладывает в сочинительство весь свой пыл, всю свою энергию, ибо он пишет, повинаясь исключительно велению собственного воображения, в то время как историк, излагающий нам случившиеся когда-то события, обязан вложить в труд свой все, что он знает и о чем размышлял, а потому рассказчик-историк обязан прежде всего хорошо знать события, о которых он повествует, ему следует постоянно углублять свои знания, анализировать их, соединять их так, чтобы одно вытекало из другого, использовать самые невероятные совпадения для выявления истины и восстанавливать связи там, где факты известны ему только наполовину, а иногда и неизвестны вовсе, несмотря на все его усердные труды по их отысканию.

Но ведь так же пишется и роман, скажут те, кого слова наши не убедили. И будут не правы, ибо историк восполняет утраченные факты с помощью правдоподобия, тогда как романист соединяет их силой своего воображения. А то, что диктует правдоподобие, нисколько не является плодом воображения; работа писателя является результатом не заблуждения ума, а осмысления вероятностей, и ее отличие от работы историка огромно.

Не страшась обвинений в повторении, скажем вновь: исторические факты должны пройти проверку тьмой веков. Ибо в день свершения своего они никогда не предстанут в верном свете; тот, кто пишет историю того века, в котором он живет, непременно обладает либо добродетелями, либо пороками своего времени, а потому невольно рассказывает нам историю собственного сердца, поданную под видом истории своих героев; ведь очевидец рисует персонажей либо такими, какими хотел бы их увидеть, либо такими, какими он опасался, что они станут; и в любом случае он оказывается пристрастным. Тому, что написано спустя много времени после случившихся событий, мы доверяем больше: остывшие подо льдами веков, факты приобретают зрелость и полноту созревшего плода. Ведь сегодня мы иначе смотрим на мерзости и преступления, совершенные Тибериями и Неронами, нежели смотрели на них те, кого особые причины побуждали представлять этих людей исключительно черными красками. Тацит, возвышенный Веспасианом, без сомнения, вынужден был льстить императору, выставляя напоказ его добродетели и сравнивая их с жестокостями тех, кто правил до него. Обязанный говорить своему покровителю: смотрите, сколь велики вы по сравнению с вашими предшественниками, – разве он не чернил сих предшественников еще больше, дабы нынешний правитель предстал еще более возвышенным и благородным?

По тем же причинам Светоний повинен в тех же ошибках. А подвиги Александра и Тамерлана, подвиги Карла XII, относящиеся к временам уже более нам близким, а августейший век Людовика XIV? Разве они ослепляют нас так же, как и в былые времена?.. Мы уже смотрим на них иначе!

Но, возразите вы, придет время, и такое же скажут про вас... Нет, ибо мы упрекаем этих историков единственно в том, что они написали свою историю на основании тех событий, коими сами были свидетелями, в то время как мы излагаем факты, нами же и обнаруженные, а жившие в те времена не только о них не знали, но и не могли знать.

Эпоха пишет – потомки судят; если же потомкам тоже захочется написать, они будут гораздо более правы в своем желании, нежели современники. Ибо, избавившись от личного интереса, потомки сумеют взвесить факты на весах истины, тогда как современники излагают нам сии факты, увиденные через призму их собственных страстей.

Однако пришло время заняться фактами. Царствование Карла VI является одним из наиболее любопытных и одновременно наиболее темных периодов нашей истории; так как историки пренебрегают им давно и упорно, в нем неясно все: не выявлено ни связей, ни причин тогдашних событий, видна лишь работа механизма, однако чьи руки этот механизм запустили – никто выяснить не удосужился. По причине небрежности, на которую нам бы хотелось обратить внимание, тогдашние события начинают постепенно превращаться в легенду, сложенную о необычном правлении и правительнице, и интерес к этому периоду истории теряется, хотя, на наш взгляд, она, напротив, должна была бы его вызывать. Тысячи инвектив летели в сторону Изабеллы, но никто не взял на себя труд объяснить нам, каким образом эта необыкновенная женщина заслужила их. То немного, что мы о ней знаем, заставляет нас порой смотреть на нее как на персонаж второстепенный, в то время как в истории того времени она играет первую роль. Некоторые довольствуются тем, что оскорбляют ее и обвиняют во многих злодеяниях: в кровосмешении, безнравственности, измене супругу, ненависти к собственному сыну, мстительности, отравлениях, убийстве собственных детей и т. д. и т. п., однако доказательств никаких не приводят. Те, кто описывал ту эпоху, напоминают нам стадо баранов, идущих за своим вожаком: они излагали то, что узнали у других, старательно списывая у современников искомым событиям их воспоминания, не являющиеся ни верными, ни полными. Документы у современников отсутствовали, ибо их тщательно скрывали от взоров непосвященных; в дальнейшем же историки решили, что гораздо проще переписать мемуары, нежели наводить справки в архивах; поэтому у нас от этого царства и создается очень странное впечатление, словно мы видим перед собой слабую копию с подпорченного оригинала.

Наконец все решили, что уже все сказано, в то время как истина, кою мы всегда ищем в истории, даже не показалась. Следовало докопаться до сей грозной истины, копнув глубже, чем делали это до нас, а так как мы имели перед глазами нашими документы, коих не было у других, мы решили добраться до сей вожденной истины. Случай, а также несколько путешествий и литературный интерес предоставили в наше распоряжение протоколы допросов Буа-Бурдона, фаворита Изабеллы; приговоренный к смерти Карлом VI, он под пыткой рассказал о том, какое участие принимала Изабелла в преступлениях, совершенных за время царствования Карла. Материалы эти, равно как и завещание убитого в Монтеро герцога Бургундского, послужили нам источником фактов для нашего труда; к несчастью, документы сии, в том числе и завещание герцога, отданное на хранение в картезианскую обитель в Дижоне, где в часовне похоронены члены Бургундского дома, уничтожили безмозглые вандалы XVIII столетия, разрушившие даже старинные мраморные гробницы, фрагменты которых еще можно видеть в музее в Дижоне; пергаменты же сгорели.

Использовали мы также и иные, столь же подлинные документы, приходящие на помощь рассказчикам, повествующим о той эпохе; прибегая к данным источникам, мы станем извещать вас об этом.

Страстно желая отыскать истину везде, где бы она ни скрывалась, мы объединили наше стремление к истине с деликатной попыткой снять – ежели таковое возможно – обвинения с такой женщины, как Изабелла, примечательной как достоинствами, коими одарила ее природа, так и остротой ума и высоким положением; мы хотели попытаться по мере возможности снять с нее вину и постыдные упреки, ей адресованные, обнаружив исполнителями преступлений, ей приписанных, исключительно доносчиков. Тяжкая сия задача была бы весьма славной, если бы усилия наши увенчались успехом; однако, собрав многие доказательства, кои мы обнаруживали каждодневно, мы могли только сочувствовать Изабелле, ибо истина – а мы намереваясь придерживаться только ее – такова, что с полным основанием следует заявить: в то ужасное царствование, когда она не принимала участия, не пролилось ни единой капли крови, не совершилось ни единого преступления; каждое злодеяние она либо задумывала, либо устраивала его исполнение.

Только историкам обязаны мы непростительными заблуждениями, ибо, как мы уже сказали, они показали нам механизм и движение его, но не раскрыли, кто приводил механизм в движение. Тем, кто двигал за кулисами рычаги, являлась Изабелла: мы усмотрели тому доказательства в уже упомянутых нами документах; следуют они также и из бесспорной связи фактов, цепь которых в указанных нами записях иногда прерывается, однако восстанавливается за счет логического осмысления и мудрого рассуждения, ведущего к правдоподобию; известно, что истинное не всегда правдоподобно, но очень редко случается, чтобы правдоподобное не оказалось бы истинным. Поэтому за неимением истины допускается следовать правдоподобию, хотя и с осторожностью; и нам об этом известно. Действуя с осторожностью, мы исходили из правдоподобия лишь в том единственном случае, когда не предоставлялось совершенно никакой возможности иного хода вещей, ибо события, происходившие ранее, также шли в том направлении, каковое указали мы; события, нами рассмотренные, вытекали из событий предыдущих, а потому имели сходную тенденцию развития.

Увы! Сколько истин, на коих покоятся сами основы счастья нашего, являются всего лишь правдоподобными! Так вот, если правдоподобие, не имея титула истины, получает наше одобрение в самых главных областях жизни, то почему бы ему не иметь прав, когда речь заходит всего лишь о фактах, пригодных исключительно для нашего образования?

Много препятствий встретили мы на пути, пока создавали наш труд; мы постоянно пребывали в страхе, как бы не сказать лишнего или, наоборот, не позабыть сказать о необходимом; состояние беспокойства переносилось нами весьма и весьма тяжело. Сами того не желая, мы наталкивались на подводные рифы, равно как одерживали неожиданные победы; мы желали побудить других разделить с нами удивление, испытанное при раскрытии потаенных интриг, а также привлечь внимание тех, кто просто не удостоился заметить труд наш... Как другие дерзают писать историю с непростительным небрежением? Как можно пренебрежительно относиться к своей репутации? Как люди эти не боятся обманывать всех остальных?

К примеру, какими ничтожными познаниями следует обладать, чтобы не уловить причин интриги королевы с герцогом Бургундским, начавшейся в тот миг, когда порвались узы, связывавшие ее с герцогом Орлеанским? Как?! Государи мои историки, на протяжении ста страниц Изабелла предстает у вас самым пылким другом герцога Бургундского; дружба их завязывается в тот день, когда она потеряла Орлеана; все правильно, но отчего не называете вы ни причины этой новой связи Изабеллы, ни последствия ее? Вынужденный брести следом за вами, несчастный читатель делает огромные усилия, пытаясь отделить истину, кою вы не имели мужества ему сказать, от истины, продиктованной здравым смыслом и подтвержденной правдоподобием, а ведь вы могли бы вывести его из дебрей, не нуждаясь даже в доказательствах, приводимых нами... И вы называете это «писать историю»?.. Жанр исторической литературы священен: именно на основании сочинений сего жанра последующие поколения составляют свои суждения о прошлом, вы же осмеливаетесь писать историю с непостижимой ленью!.. Давайте признаем: такое поведение позорит писателя и наносит вред читателю, готовому открыть вашу книжку и поверить вам; вы быстро его обманываете, и он, читая вас, не подозревает о том, что вы вводите его в заблуждение.

Прежде чем завершить наше отступление от темы, нам, возможно, следует принести извинения за то, что мы позволили себе облечь повествование наше в форму романа, хотя в труде нашем, предназначенном для вашего прочтения, мы излагаем только факты. Наверняка, обнаружив добавленные нами детали, нас обвинят в том, что мы сочиняем роман, обвинят те, кто никогда не верил тому, что говорили наши отцы, а то, что говорят дети этих отцов – отцов, часто излишне легковых, – считают и вовсе невероятным...

А если же найдутся те, кто предъявит нам сии упреки, мы намерены ответить, дабы к ним более не возвращаться.

История, представленная нами, никоим образом не является вымыслом, ибо она написана на основании подлинных свидетельств и фактов, которые до нас еще никто не приводил.

Если же мы в повествовании нашем и позволили себе несколько романских ходов, то лишь потому, что посчитали возможным употребить их в такой особенной истории, как эта, ибо мудрое и нечастое использование романских приемов лишь подогреет интерес к персонажам нашей кровавой драмы и приблизит их к нам, но, главное, отдавая предпочтение диалогу перед повествованием, мы стремимся сделать разговоры персонажей наших еще более выразительными. А посему если мы и допустили некоторую вольность, употребив диалог, то по крайней мере с нами нельзя не согласиться, что мы им не злоупотребляли, ибо чувствовали, что слишком частый диалог, несомненно, послужит в ущерб достойной манере писать историю. Дабы побудить читателя лучше узнать Изабеллу, нам пришлось заставить ее говорить, ибо, когда герой говорит, он становится для нас более близким, нежели когда мы просто и беспристрастно пишем о нем. Покажите мне хотя бы одного писателя, как стародавнего, так и современного, который бы не сочинял выспренных речей, не вкладывал их в уста своих героев? Какую силу придают такие речи истинности фактов! Неужели фразе, слетевшей с уст самого Генриха IV: «Французы, вперед, за этим белым султаном, и он приведет вас к славе!» – читатель предпочтет рассказ – пусть даже наилучшего – историка, уверяющего нас, что, по словам этого доброго короля, французам надлежало следовать за его султаном, дабы одержать победу в битве?

Следовательно, мы живописуем, дабы заинтересовать читателя; и везде, где нам удастся живописать, вместо того чтобы вести сухой рассказ, мы будем это делать.

Возможно, следует сказать еще пару слов о необходимости постоянно связывать историю Франции с историей нашей героини; впрочем, разве Изабелла не была тесно связана со своим народом, со временем, в котором она жила? А посему невозможно писать о ней, оставляя в стороне и народ Франции, и тогдашнюю эпоху. Надеюсь, мы избежали крушения на этом рифе, ибо были уверены, что история французской королевы не станет хуже, ежели в ней мы уделим место детальному исследованию событий той эпохи, ведь королева эта занимала в те времена одно из главенствующих мест.

Предисловие

Когда Карл V взошел на трон, Франция пребывала в состоянии истощения и хаоса; сей монарх, по справедливости получивший прозвище Мудрый, не покидая дворца, нашел средство исправить положение посредством правильного назначения управителей и генералов. Разве могла Франция не одержать победу, если воинов ее вел в бой сам Дюгеклен? Одно лишь звучание этого великого имени повергало в бегство извечных врагов нашей милой родины, ибо противник, привыкший к победам, не мог даже представить себе, сколь храбрым может быть народ, не обуянный гордыней; впрочем, для гордости у французов имелись все основания.

При короле Иоанне Франция утратила превосходство над Англией, завоеванное во времена Филиппа Августа, но меч и политика Карла V вернули ей утраченное. Не пренебрегая ничем, Карл трудился во славу государства; поклонник изящной словесности, он, желая возвысить страну, собрал в своем кабинете девятьсот томов, заложив тем самым основу великолепной библиотеки, составляющей сегодня гордость ученых и вызывающей восхищение всей Европы. Усовершенствовал управление финансами, он уменьшил налоги; в сундуках его скопилось семнадцать миллионов. В те далекие времена подобная сумма, образовавшаяся благодаря экономии, вызвала изумление; она же служила источником уверенности в завтрашнем дне, ибо появилась благодаря вниманию, уделявшемуся сим достойным государем земледелию и активно поощрявшейся им коммерции. Известно: государство, умеющее отыскивать в лоне своем необходимые для него ресурсы, не страшится ни бедствий войны, эти ресурсы сокращающие и поглощающие, ни кар небесных, исчерпывающих их или же вовсе истребляющих под корень. Карл не любил придворных, хотя и прислушивался к их советам; обычно придворные лгали или воскурляли фимиам, затмевающий свет разума. Мудрец, жребием вознесенный на трон, должен высоко нести факел, освещающий путь вперед, и не поддаваться дурману льстецов.

Как-то раз шамбеллан Ларивьер возносил хвалы королю за его мудрое правление. «Друг мой, – ответил Карл, – о мудрости своей я смогу судить только в том случае, ежели получу доказательства, что народ пребывает в довольстве».

Карл денно и ночью заботился о счастье своего народа; он сумел вернуть Франции достойное место и ранг, надлежащий той занимать в Европе, освободил провинции от гнета англичан и, поддерживая в прекрасном состоянии флот, привел морские силы в гармонию с силами сухопутными, прославлявшими французское оружие на континенте.

Почему же Небо не осыплет такого князя милостями своими, коими должно его осыпать, почему не позволяет ему оставить трон сыну, который, не обладая добродетелями отца, способен хотя бы удержать в руках бразды правления? Как же должен страдать народ, оказавшийся во власти дитяти, с коим совместно правят регенты и наставники!

Карл VI потерял творца дней своих, когда ему едва исполнилось двенадцать лет; отец его, не имея возможности изменить законы государства и порядка наследования, оставил регентом герцога Анжуйского, крайне честолюбивого и расточительного, ненавидимого за причиненные им обиды и презираемого за непостоянство. Но, чувствуя, что герцог делает все для умаления власти короля, Карл выразил желание, чтобы сын его как можно скорее короновался в Реймсе, дабы начать править от собственного имени, прислушиваясь к мнению исключительно регентского совета, куда помимо его опекуна, герцога Бургундского, вошли бы герцоги Бурбонский и Беррийский; первый станет отвечать за воспитание, а второй исполнит обязанности дворцового суперинтенданта.

Сделав надлежащие распоряжения, Карл, чувствуя приближение последнего часа, призвал всех наставников, на которых он оставлял сына.

– Я оставляю трон, вскоре его займет мой сын; вам, как ближайшим родственникам, я доверяю его судьбу и счастье Франции, – говорит он собравшимся возле его смертного одра принцам. – Неустанно напоминайте ему, что собственное счастье он обретет только тогда, когда сделает свой народ счастливым, и в этом заключается его главный интерес. Всевышний возвышает королей не ради их самих, но ради того, чтобы им лучше было видно, как принести пользу своему народу. Господь, возвысивший государя, хочет узреть в нем свое подобие на земле, лишь такого государя Он в один прекрасный день призовет и приблизит к себе. Народ никогда не восстанет против правителя, если видит, что правитель заботится о его благе и хочет сделать его счастливым. Передайте Карлу, чтобы он не выпускал из рук меч, но пускал его в дело только для собственной защиты и никогда для завоеваний, зачастую роковых и всегда бессмысленных. Если кровь, пролитая во имя победы, не послужила ради счастья народа, такая победа хуже любого поражения; победа лишь тогда истинна, когда в результате ее завоевано счастье для народа. Я завещаю своему сыну лавры победителя, но, ежели вы увидите, что чело его не может быть увенчано лаврами, возложите на него венок из дуба. Я без грусти схожу в могилу, ибо знаю, что оставляю подле сына мудрых принцев крови, и уверен, что тень моя, явившись однажды к вам, не упрекнет вас за то, что вы не оправдали моего доверия; ужасны упреки того, кого более нет среди живых.

Последние слова мудрого государя произнесены, но, сколь бы грозны они ни были, страсти, обуревавшие тех, кто их выслушал, нисколько не угасли.

Едва Карл V закрыл глаза, как герцог Анжуйский, стремясь поскорей воспользоваться властью, мудро ограниченной последними распоряжениями покойного короля, захватывает казну, не довольствуясь установленными налогами, увеличивает их; его алчность вызывает народные волнения, последствия коих не замедлят сказаться.

Герцог Беррийский наделен теми же недостатками, что и его брат, герцог Анжуйский; возможно, располагая он большей властью, он бы тоже запустил руку в казну.

Герцог Бургундский наделен многими достойными качествами: любезный, великодушный, незлобивый с виду; ежели он и язвит сердца, то делает это втайне, а потому у него всегда множество сторонников.

Герцог Бурбонский, возможно, лучший среди них, но его слабости и умеренность вредят его добродетелям. Гордость позволена людям талантливым: она возвышает их и питает.

Регенту гораздо более хочется править Неаполем, куда призывает его королева Иоанна, нежели государством Французским, а посему с помощью полученной во Франции власти он намерен способствовать исполнению собственных замыслов. За счет украденных у своего народа богатств он хочет завоевать другой народ, поэтому он предпочитает обкрадывать своего августейшего воспитанника, нежели воспитывать.

Печальные последствия честолюбия, неужели вам всегда суждено побеждать добродетель?

Когда под ногами у народа отверзается пропасть, народ не сразу замечает ее. Обнаружив у себя под ногами пропасть, парижане не перестали предаваться излишествам и злоупотреблениям, и власти по причине своей разобщенности не смогли с ними справиться. Созвали Генеральные штаты; сие собрание обычно узаконивает несчастья прежние и сулит новые.

Многое из того, что Карл V сделал на благо Франции, при теперешних правителях оборачивалось ей во вред.

На содержание своего дома Карл тратил не более двенадцати тысяч франков; регенту для содержания одного ребенка понадобилось шесть миллионов, хотя дитяти этому порой не хватало самых необходимых вещей. Не только народ волновался и учинял беспорядки; служилые люди также подняли мятеж: лишившись жалованья, они принялись грабить деревни. Неподчинение в войске превратилось во всеобщее бедствие; не в силах справиться с злоупотреблениями, неловкие политики предпочитали уничтожать тех, кто требовал облегчить их участь.

Бравые воины, отважные соратники Дюгеклена рискнули пожаловаться, но их за это выгнали со службы. Таким образом, было совершено множество ошибок, лишивших государство сил, необходимых для сохранения его репутации, сил, являвшихся его душой, ибо именно душа поддерживает все прочие члены организма.

Наконец 3 ноября 1380 года состоялась церемония коронования Карла VI, организованная со всей возможной пышностью, ибо те, кто в то время держал в руках бразды правления, заботились более о собственных интересах, нежели о славе своего воспитанника. Огонь мятежа разгорался, и по окончании церемонии вельможи не осмелились проехать через город; народ же, поняв, что знать его боится, проникся к ней еще большей ненавистью. Выбрав своим главарем башмачника, наделенного недюжинным ораторским талантом, толпа, громко требуя отмены налогов, двинулась во дворец. Канцлер и герцог Бургундский кое-как успокоили умы, однако через сутки мятеж вспыхнул с новой силой. Король уступил и велел отменить налоги; поняв, что власть ослабела, мятежники выставили новые дерзкие требования: изгнать евреев и отобрать деньги у финансистов; и, пока власти размышляли, мятежники самочинно грабили и разоряли дома иудеев и банкиров. Под угрозой надвигавшегося кризиса государственные люди вновь созвали Генеральные штаты, но все безрезультатно: мятежи не утихли. Заговорщики собирались по ночам: мрак потворствует преступлению... Насколько меньше совершалось бы преступлений, если бы на небе всегда горело дневное светило!

Заговорщики провозгласили себя противниками злоупотреблений, но, когда злоупотребления сии шли им на пользу, они закрывали на них глаза; одним словом, улучшений не происходило, становилось только хуже. Под предлогом борьбы с мятежниками герцог Бретонский призвал англичан, а когда они явились, он растерялся. В конце концов он вступил с ними в сговор; однако честь еще дорога сердцам его вассалов, и они заявили герцогу, что повернут оружие против него, если он и их заставит заключить столь позорный союз. Их благородная решимость заставила одуматься неверного вассала французского государя: пообещав служить Франции и бороться против англичан, герцог якобы отправился в Париж воздать почести новому монарху. Однако – недостойное предательство – обещания не выполнил, а, напротив, поклялся англичанам не выступать на стороне Франции, пока оба государства находятся в состоянии войны.

Доколе народам суждено пребывать жертвами недостойной политики своих правителей?

Между Францией и Англией имелось много общего; оба государства управлялись малолетними королями, опекаемыми взяточниками-дядьями, волею судеб ставшими наставниками их юных душ. Во Франции герцог Анжуйский был готов на все, лишь бы занять неаполитанский престол; честолюбивое желание стать королем Испании двигало герцогом Ланкастерским, повинным во многих тяжких проступках, совершенных им в Англии; таким образом, несчастья и одного, и другого народа явились следствием притязаний, чуждых интересам обеих стран.

Меж тем вновь – хотя и с опаской – объявили о новых налогах.

Видя, что препятствовать им некому, возмущенные парижане бросились на сборщиков налогов и безжалостно растерзали их; всюду зазвучал призыв к оружию, все вспомнили о прежних вольностях, перегородили цепями улицы и бросились догонять оставшихся сборщиков; несколькими мытарям удалось спрятаться в храме. Захватив ратушу, мятежники взяли находившееся там оружие и, довольные достигнутыми успехами, ринулись на улицы грабить и громить все, что под руку попадет. Беспорядки не прекращались, никто не чувствовал себя в безопасности, ибо скрыться от мятежников было негде: они взламывали дома, распахивали двери тюрем и выпускали на волю злоумышленников, присоединявшихся к нечестивой толпе, бурлившей на улицах. Кровь текла рекой, и, как это случается во время любых переворотов, мятежники, прикрываясь словами о добре, творили зло.

Наконец столичные магистраты вооружили десять тысяч человек, и те начали истреблять мятежников...

Тем временем власти проснулись. Король, находившийся в это время в Руане, двинулся на Париж, дабы заслуженно покарать взбунтовавшуюся столицу. Добрые парижане поняли, что, ежели они не попросят пощады, их город будет стерт с лица земли. Они отправили к королю своих посланцев, и после переговоров все, кроме подстрекателей, получили прощение; однако народ, готовый вновь поднять мятеж, потребовал пощады для всех; пришлось тайно утопить зачинщиков. Вот что происходит, когда государь слаб, а те, кто стоит у кормила власти, чрезмерно алчны.

Король согласился вернуться при условии, что прочные стены Парижа лишатся своих башен: город недостоин их. Подобное предложение вновь раздуло факел раздора; однако на этот раз власти не намеревались щадить мятежников. Войско разъяренного регента окружило город... столица дрогнула; впрочем, Анжуец, жаждавший только денег, согласился простить участников мятежа, если они соберут выкуп в сто тысяч экю; получив требуемую сумму, он отправился в ожидавший его Неаполь, полетел, покрытый кровью, которую он только что пролил во исполнение своих планов.

Место его подле короля занял герцог Бургундский. Война во Фландрии вынудила короля отбыть из Парижа, но до отъезда он постарался обеспечить спокойствие его жителям. Парижане отделались обещаниями, но ничего не сделали; напротив, воспользовавшись отсутствием государя и войска, они решили разграбить королевское жилище и успокоились только после мудрых увещеваний человека по прозвищу Фламандец.

Спокойствие, воцарившееся в Париже, оказалось призрачным, и вскоре горожанам, готовым начать новую Жакерию, осталось только дожидаться исхода кампании во Фландрии. Юный король и его рыцари, явив чудеса храбрости, разбили армию Артевельде при Росбеке: на поле боя осталось сорок тысяч врагов, а французский монарх снискал победоносные лавры. Но где речь идет о личных интересах, патриотизм безмолвствует; мятежники, вынужденные отказаться от своих замыслов, сделали все, чтобы умалить значение победы при Росбеке. Гибель жителей, погребенных под пеплом Куртрэ, приписали – и не без причины – герцогу Бургундскому, пожелавшему подчинить себе сей несчастный город; многие проливали слезы при виде этих ужасов. Недовольство жестокостями герцога возрастало, но он продолжал творить злодеяния, свирепствуя еще более и направляя свой гнев против тех, кто хотел покарать его и наказать.

Собрав двадцатипятитысячную армию, парижане вышли из стен города и заняли высоты Монмартра и равнину Сен-Дени, где предстояло проехать возвращавшемуся в Париж королю. Депутация, выехавшая ему навстречу, почтительно заверила государя, что войско, собранное горожанами, всего лишь свидетельствует об их желании послужить королю, ежели, разумеется, его величеству будет угодно их призвать. На первый взгляд Карл удовлетворился их заверениями и приказал им разойтись; однако гордость монарха уязвлена, и в результате он вступил в столицу, словно в завоеванный город, где на правах победителя сокрушил сооруженные заговорщиками баррикады и разместил свое войско на постой в домах горожан. На следующий день герцоги Бургундский и Беррийский разъезжали по улицам во главе победителей при Росбеке, в то время как заговорщики понуро сносили в Лувр захваченное ими оружие; зачинщиков казнили, а многие из них сами прервали нить собственной жизни, дабы их не коснулась холодная сталь палача.

Наконец университету и герцогине Орлеанской удалось смирить гнев короля, но герцог Бургундский не намеревался никого щадить: к нему отходило имущество жертв, а посему жестокости и казни продолжались.

Королевскому адвокату Иоанну Демаре, чьи многочисленные добродетели украшали царствования трех монархов, суждено было погибнуть по велению принца, не обладавшего добродетелями вовсе. Единственная вина отягощенного недугами старца состояла в том, что он пришелся не по нраву тому, кто всем желал зла. И вот уже Демаре приволокли на эшафот,

ожидавший скорее того, кто отправил туда несчастного адвоката. Пока несчастный поднимался по лестнице, со всех сторон летели крики, требовавшие помилования. «Я прошу снисхождения к моим палачам», – ответил благородный человек. Голова его упала, память о его добродетели осталась, а душа его отправилась на небо.

Это первое преступление стало сигналом к началу преступной вакханалии, запятнавшей царствование Карла VI.

Едва Демаре испустил дух, как канцлер д'Оржемон напомнил монарху, восседавшему на троне напротив места казни, что не все виновные получили по заслугам и примерно наказать необходимо еще многих. Король согласился, но женщины, напуганные жестокой казнью, с криками «Пощады!» бросились к ногам короля. По совету герцога Бургундского, любившего деньги гораздо больше, нежели кровь, Карл, растрогавшись, даровал виновным жизнь в обмен на штраф, составлявший более половины их состояний. Но не вся сумма штрафов досталась герцогу Бургундскому, претендентом на часть добычи выступил герцог Беррийский; кто-то дерзнул спросить, а сколько отойдет солдатам, но сей справедливый вопрос никто не услышал, ибо вельможи полагали, что честные люди служили только для того, чтобы правители, грабившие Францию, могли удовлетворять свою алчность и жажду стяжательства. Подати и налоги восстановили прежние, и народу осталось лишь проливать слезы.

Война во Фландрии возобновилась; герцог Бретонский, до сих пор участия в ней не принимавший, на этот раз прибыл самолично; его многие узнали, однако это не помешало ему вести двуличную политику. Он продался англичанам, но добрый король Карл, боясь ошибиться, этому не верил: ведь искренность никогда не дружит с хитростью, а посему не может постигнуть всего ее коварства. Карл продолжал вести себя с предателем так, словно тот не вызывал у него никаких подозрений.

Граф Фландрский скончался, и унаследовавший ему герцог Бургундский немедленно возвысился.

В Лангедоке, Оверни и Пуату вспыхнули восстания, жители тамошних деревень принялись истреблять дворян и богачей. Мятежный дух кружил головы жителям провинций; герцог Беррийский, командовавший войсками в Лангедоке, принялся наводить порядок, и кровь зачинщиков искупила – ежели таковое искупление возможно – кровь жертв.

Герцог Анжуйский, чей путь в его новое королевство пролегал через вышеуказанные провинции, при молчаливом одобрении Папы разграбил и растащил все, что попало ему под руку; казалось, бессовестный грабитель захотел заставить французов заплатить за счастье избавиться от него. Но приобретенное жестокостью добро ему на пользу не пошло: при переходе через Апеннины он потерял едва ли не половину награбленного. Оставшуюся половину он решил использовать для ведения войны против Карла Мирного, также претендовавшего на трон Неаполя; на оставшиеся средства он отправил своего спутника, маркиза де Краона, просить помощи у герцогини, его жены и королевы Сицилии. Краон необходимую сумму своему повелителю не привез, ибо растратил ее в объятиях куртизанок Венеции. Разоренный Анжуец скончался от ран, но еще более от стыда и горя. Тем же, кто разделял его судьбу, пришлось возвращаться во Францию, выпрашивая по дороге милостыню, в которой, принимая во внимание грехи их господина, им чаще всего отказывали.

Краон, обокравший герцога Анжуйского, имел дерзость появиться при дворе в роскошнейшем экипаже. Берриец, обвинявший маркиза в смерти своего брата, приказал арестовать его; Краон сумел избежать ареста... Ах, почему Небо не пожелало отвратить его от новых преступлений, коими ему предстоит запятнать страницы нашей истории!

Преступления следовали одно за другим. Карл Плохой пожелал отравить короля и всех принцев крови. Заговор раскрыли, заговорщиков казнили. Затем между дворами Франции и Англии вновь вспыхнула вражда, одной из главных причин которой стал брак, заключенный Маргаритой де Эно с графом Неверским, сыном герцога Бургундского, в то время как на

роль жениха Маргариты претендовал герцог Ланкастерский. Стороны обменялись письмами, а затем и оскорблениями; частные ссоры между вельможами двух государств подогревали государственные дразги, вынуждая оба народа, чуждые вельможным распрям и мало что в них понимающие, поддерживать их собственными кровью и состоянием.

И в это самое время во Франции ощутили необходимость женить короля.

О женщина, кою судьба призвала поддержать пошатнувшийся трон, отчего ты лишь ускорила его падение? Развращенная зрелищами, происходившими у тебя на глазах, ты, возможно, получила бы право на снисхождение в глазах потомства, если бы явила нам хотя бы малую толику добродетели! Но тщетно наше желание и безуспешны поиски, ибо в душе твоей царил один лишь разврат; и мы честно докажем сии печальные истины, долгое время никому не ведомые. Ибо пришла пора наконец извлечь их из мрака, дабы мы безошибочно знали, кто из наших монархов воистину достоин и почитания нашего, и фимиама и к кому должны мы хранить в сердцах привязанность и нерушимое почтение.

Часть первая

Я отправлюсь искать сокрытую во мраке истину.
Мабли

За время правления Карла VI, прозванного Возлюбленным, Францию постигло множество бедствий, однако ни в одном из них король не был повинен. Он обладал всеми качествами, присущими доброму государю, и внешность также имел наиприятнейшую; родившись чувствительным, щедрым, благодарным, он воплотил в себе все добродетели предков, не унаследовав ни одного их порока. Упрекнуть его можно было единственно в слабоумии, ставшем причиной всех его несчастий, и, хотя недостаток сей принято уважать, тем не менее от имени Карла стали твориться всевозможные злодеяния.

О! сколь велика вина тех, кто, стоя рядом с государями, пользуется их немощами или страстями!

Однажды некто, обвинив одного вельможу в том, что тот дурно отзывался о государе, донес об этом самому государю. *«Ничего удивительного, – ответил доносчику Карл, – ведь я оказал ему столько услуг!»*

Нам кажется, эти слова достаточно обрисовывают характер молодого монарха и дают понять, какую супругу следовало бы подыскать ему, когда зашла речь о его женитьбе. Какой счастливой стала бы жизнь его избранницы, удачно соединившей собственные добродетели с добродетелями столь прекрасного государя; переполненные счастьем, венценосные супруги сделали бы счастливой всю Францию! Но людское счастье не всегда соответствует замыслам Провидения, полагающего, что страдания являются наиболее верным средством исправления людей.

Была ли Изабелла, дочь Стефана Баварского, достойна разделить судьбу избранного ей в супруги Карла? Иначе говоря, была ли она готова вступить на предназначенный ей трон, не обладая качествами, присущими тому, кто занимал его?

Когда дядя молодого монарха задумали этот брак, Изабелле еще не исполнилось шестнадцати, а король только что справил свое семнадцатилетие. Помимо обычной свежести и красоты, присущей ее возрасту, в чертах Изабеллы читалась гордыня, мало кому свойственная в столь юные годы. В глазах ее, больших, черных и глубоких, светилось больше надменности, нежели чувствительности и кротости, чрезвычайно привлекательных в простодушных взорах юных особ. Росту довольно высокого, она обладала гибкой фигурой, решительной походкой, смелостью движений, грубоватым голосом и отрывистой речью. В надменном характере ее не просматривалось ни единого намека на кротость, удел прекрасных душ, находящих утешение в том состоянии, в коем судьба повелела им родиться. Пренебрегая нормами морали и религии, она питала непреодолимое отвращение ко всему, что противоречило ее наклонностям; обожая до беспамятства развлечения, она, однако, отличалась подозрительностью; склонная к мстительности, она всегда замечала недостатки других; не обладая хладнокровием, она легко творила зло и предпочитала покарать, нежели рассмотреть дело; когда же в душе ее вспыхивала любовь, она отдавалась ей целиком, сметая все на своем пути ради достижения цели. Скупая и расточительная одновременно, жаждущая всего и сразу, не знающая ничему цены, любящая только себя, она жертвовала интересами всех, в том числе и государственными, ради интересов собственных. Осознав, как высоко поставила ее судьба, она забыла, как творить добро, зато безнаказанно творила зло, приобретая пороки, неискупимые никакими добродетелями.

Дочь герцога Баварского возвел на трон Франции сам Господь, ибо во Франции имелись люди, коих следовало покарать.

Опасаясь, что Изабелла может не понравиться королю, послали вперед художников с ее портретом; самой же принцессе предстояло вступить на территорию Франции в облачении паломницы. О, сколь стремительно сбросила она сей наряд добродетели!

Портрет произвел на короля живейшее впечатление. Едва он его увидел, как тотчас загорелся желанием обладать изображенной на нем женщиной: утверждали даже, что в ожидании красавицы он не спал и отказывался от пищи. Тогда герцогиня Брабантская сказала герцогу Бургундскому: «Успокойте вашего племянника, вскоре мы исцелим его».

Действительно, быстро устранив все препятствия для брака, решили провести торжества в Аррасе; церемония бракосочетания состоялась в соборе города Амьена. Так как карет с крытым верхом в то время еще не было, королеву доставили в собор в носилках, окутанных золотистой тканью.

Несколько неприятных событий омрачили свадебные торжества, а как записано в книге судеб, одно несчастье влечет за собой другое, поэтому брак сей изначально не сулил никому счастья. А вскоре фламандцы повернули оружие против Франции, и, прервав бои турнирные, французским сеньорам пришлось вступить в битву настоящую; дротики Беллоны заменили стрелы Амура.

Брачные узы несколько не умилили страсть Карла к оружию. На чрезвычайном совете решили направить военные действия главным образом против Англии. Но когда после первых шагов стали ясны намерения герцога Бургундского, все с удивлением вспомнили, что первым предложил начать войну именно он.

Итак, начались приготовления к войне. Потребовались деньги; на накопления, сделанные Карлом V, рассчитывать не приходилось: их уже присвоил Анжуйец. Ввели новые налоги, провели принудительные займы, убыточные для всех, кому пришлось давать деньги в долг. Меры, предпринятые двором, понимания не встретили; царствование Карла VI начиналось дурно.

Напуганные нашими военными приготовлениями, англичане собрали армию в триста тысяч человек, но мы бы наверняка одолели эти силы, если бы, как часто случается в подобных обстоятельствах, частные интересы не вступили в противоречие с интересами государственными.

Тем временем жители Гента попытались сжечь наш флот в проливе Л'Эклюд; заговор раскрыли, но герцог Бургундский не оставил мысли в следующем году начать военные действия против англичан, ибо под сей замысел он уже получил немалые средства.

Собранную армию следовало чем-то занять; тогда ее повели на тех, кто хотел уничтожить наш флот; до сражения дело не дошло.

Многие разгадали стратегию герцога Бургундского и обвинили его в получении взятки от англичан, заплативших за бездействие его войска. Герцог, говорили они, положил к себе в сундук и деньги, полученные на войну, и деньги, полученные, чтобы эту войну не начинать.

Таковые нравы царили при французском дворе, когда туда явилась Изабелла. Поэтому неудивительно, что дурной гений немедленно завладел ее душой, которая, как мы уже видели, изначально тянулась к злу!

Едва Изабелла появилась при дворе, как знатные сеньоры наперебой бросились оказывать ей почести; скоро юная принцесса более всех отличала Буа-Бурдона. Молодой, прекрасно сложенный, исполненный изящества, первый во всех физических упражнениях, что в век рыцарства ценилось особенно высоко, умный, но всегда готовый к компромиссам, он в высшей степени обладал талантами, необходимыми придворному. Такой мужчина не мог не нравиться женщинам, и многие из них жаждали его любви, особенно те, кто более заботился об удовольствиях, нежели о репутации. Привыкнув к дамскому поклонению, молодой дворянин дерзнул намекнуть на свою пылкую любовь повелительнице, и страсть его недолго оставалась безответной.

Едва их соединили узы любви, Изабелла воспользовалась любовником для получения полезных сведений. Буа-Бурдон немедленно поведал ей обо всем, что надлежало ей знать, дабы не стать жертвой неведения.

– Вам необходимо разделять все беспутные похождения придворных Карла Шестого, сударыня, – заявил ей фаворит, – если не хотите, чтобы вас вовлекли в них против воли. Когда плотина не в состоянии сдерживать волны, лучше отдаться на волю этих волн, и они вынесут вас на берег, усыпанный золотым песком, особенно если у вас хватит ловкости и дерзости направить бурный поток в нужное вам русло. Возле молодого и неопытного государя, окруженного ловкими интриганами, можно преуспеть, только став таким же интриганом; если вы не станете им подражать, они будут вас бояться и погубят вас; став такой, как они, вы свяжете им руки. Грешно самому прокладывать путь злу, однако, когда путь уже проложен, опасно сворачивать с него.

– Прекрасный сеньор, – ответила королева, – будьте моим провожатым; рядом с вами мне ничего не страшно. Я знаю, вы постараетесь отвести от меня зло, но, как вы справедливо заметили, в некоторых обстоятельствах лучше стать жрецом, нежели жертвой, а если совесть станет мучить меня, сердце напомнит, что я совершаю зло ради вас, и тревоги успокоятся.

О, чувствительность, скрывающая за собой преступление, весьма опасна!

– Король, – продолжала Изабелла, – самый лучший человек во всем мире, я почитаю его и премного уважаю. Однако голова его слаба, я же чувствую в себе деятельные силы, коими по слабости своей он обладать не может. Обуреваемая благородным честолюбием, я вознамерилась править всем и не стану ни перед кем пресмыкаться. Как вы сказали, дядя короля наверняка захотят воспрепятствовать мне, а посему придется удалить их от двора. Брат Карла герцог Туренски.¹ молод и полон сил, он поддержит наши планы, надо лишь приковать его к себе.

– Вы хотите, чтобы у меня был соперник, сударыня?! – встревоженно воскликнул Буа-Бурдон.

– Друг мой, – ответила королева, – я доказала вам свою любовь, но не надейтесь навечно привязать меня к себе; вечной верности можно требовать от обычной женщины. В моих глазах любовь является слабостью, которой я всегда готова пожертвовать ради честолюбия или выгоды; лишь эти две страсти лелею я в своем сердце. Если новая связь пойдет на пользу моим страстям, я непременно соглашусь на нее, при этом я по-прежнему останусь вашей, и мы вместе станем приумножать и состояния наши, и наслаждения. Вы говорите, при дворе все берут взятки; я и сама это заметила; грабежи здесь совершают нагло и в открытую. Анжусец захватил все, что сумел скопить Карл Пятый; теперь остатки растаскивают Бургундец и Берриец; здесь каждый думает только о себе: так почему бы мне не поступать так же? Если бы я встретила здесь добродетель, я бы, возможно, последовала ее стезей, но я увидела совершенно обратное... так вот, повторяю вам, Буа-Бурдон, вы станете моим провожатым. Я очень молода, вы же достаточно опытни, чтобы давать мне дельные советы, и если они совпадут с моими замыслами, я им последую, а если разойдутся, то не воспользуюсь ими.

Буа-Бурдон бросился к ногам государыни и заверил ее в своей преданности; он поклялся сохранить разговор их в великой тайне, и отвратительные руки преступления завязали возмутительные узы этого тайного союза.

При подготовке второго вооруженного похода против англичан коннетабль Клиссон пожелал набрать людей, числом равным населению целого города; погрузив войско на корабли, он намеревался направить их к вражескому берегу. Великолепные и роскошные суда, предназначенные для этой экспедиции, напоминали плавающие крепости.

Все полагали, что герцог Бургундский, слывший приверженцем англичан, сделает все, чтобы и вторая экспедиция не состоялась. Она и в самом деле не состоялась, однако подозре-

¹ В урочное время мы станем именовать его герцогом Орлеанским.

ния рассеялись, а неудачу отнесли на счет герцога Беррийского, медлившего с отправлением в порт Л'Экюз, место сбора и отплытия; причиной подобной смены настроений явился герцог Бургундский, стремившийся как можно ловчее скрыть свои планы.

Когда все отбыли во Фландрию, при дворе наступило затишье, хотя брат короля герцог Туренский не покидал Парижа.

Молодой, нетерпеливый и неукротимый, он не мог равнодушно смотреть на Изабеллу, а та желала привязать его к себе, ибо понимала, сколь он необходим ей для исполнения давно лелеемых ею замыслов; часть этих замыслов она, как мы уже знаем, открыла Буа-Бурдону. Однако, намереваясь сохранить при себе обоих мужчин, она решила сообщить Буа-Бурдону об успехах, одержанных ею над сердцем его соперника.

– Милый друг, – сказала она ему, – помните, что я говорила вам относительно брата мужа? Тогда я сказала вам, что, приковав к своей колеснице вас, я тем не менее приму в число своих поклонников также и его. Теперь послушайте, Бурдо.² герцог Туренский обладает неограниченной властью над моим супругом, а я хочу безраздельно господствовать над герцогом. Поэтому смиритесь, друг мой, с тем, что я заведу роман с герцогом; я стану любить его ровно настолько, насколько это будет соответствовать нашим общим интересам. Речь идет не об измене, кою я намерена совершить, а об интриге и ловкой комбинации. Будьте по-прежнему скромны, и я не стану ничего от вас скрывать; вы нужны мне для осуществления моих планов, я помогу вам исполнить ваши замыслы, и тогда честолюбие, любовь и выгода объединят нас и сблизят еще более.

Фаворит вновь поклялся в верности, и интрига с герцогом началась.

– Вы не на своем месте, брат мой, – однажды сказала Изабелла герцогу Туренскому. – Карл не способен править; трон должен был бы принадлежать вам; так будем же вместе делать все, дабы придать ему необходимый блеск, если уж мы не можем возвести на него единственного достойного его человека.

– Мое честолюбие нисколько не меньше вашего, сударыня, – отвечал герцог, – и мне горько видеть, как жадные и развратные дядья морально угнетают монарха и грабят богатства его народа. Уже дважды герцог Бургундский вверг в нищету наш народ и обогатил свою личную казну, не допустив принятия решений, способных принести славу Франции. Поэтому, сударыня, нам следует либо препятствовать подобным его поступкам, либо самим извлекать из них выгоду. Объединим наши интересы и сердца и, не считаясь с ценой, выпустим на волю наши страсти; иных способов преуспеть в наш век интриг и слабой власти монарха я не знаю.

Сговор Изабеллы и Орлеана породил ужасные смуты и бедствия, охватившие Францию, и нам предстоит сии бедствия живописать... Как же несчастлив тот народ, чьи повелители, обязанные быть его опорой, становятся ворами и грабителями!

Алчность герцога Бургундского многие считали причиной странной смерти короля Наваррского: все знали, что герцог давно хотел захватить его имущество, и после смерти Наваррца он сделал это в ущерб наследникам.

Третью экспедицию против Англии снова отложили на неопределенный срок, хотя время для экспедиции было подходящее: юный английский монарх, возглавивший слабое правительство, не пользовался доверием и не располагал достаточными силами. Подобно Карлу, над ним главенствовали дядья, разорявшие, бесчестившие и угнетавшие его. Словом, все способствовало успеху похода, слабость Ричарда II, занимавшего английский престол, казалось, гарантировала победу Карлу VI.

Но слишком многие лица были заинтересованы в провале кампании против англичан, а посему она, как и предыдущие, провалилась. В этот раз виновником неудачи называли герцога Бретонского, в прошлом уже запятнавшего себя изменами, так что теперь все поверили в воз-

² Так Изабелла по-дружески называла своего любовника.

веденные на него подозрения. Никто не сомневался в его симпатиях к Англии, но, с другой стороны, разве герцог Бургундский не разделял эту пламенную приязнь? А нам известно, что думали по этому поводу Изабелла и герцог Туренский. О ужас, в какие руки попал злосчастный Карл и его несчастный народ!

Попробуем, однако, объяснить поступки герцога Бретонского, дабы уразуметь их последствия.

Старший из сыновей Карла Блуаского находился в то время в английском плену. Герцог Бретонский обязался выкупить его, но, когда ему об этом напомнили, сдержать слово отказался. Коннетабль Клиссон же решил, что этот молодой принц вполне может стать супругом одной из его дочерей; Карл согласился. Оставалось только вызволить узника из плена; коннетабль обратился к герцогу Ирландскому, умевшему добиваться всего от Ричарда. Герцог Бретонский, разозленный тем, что Клиссон хочет преуспеть в деле, куда он более не хотел вмешиваться, поклялся в вечной ненависти к коннетаблю. Первый шаг по пути этой ненависти кажется нам достойным упоминания, а посему мы о нем расскажем; и, хотя многим он хорошо известен, обязанность наша о нем поведать, ибо он связан с рядом других важных для нас событий.

Пригласив коннетабля к себе в крепость Эрмин осмотреть ее укрепления, герцог Бретонский пожелал получить совет относительно фортификационных сооружений, в которых коннетабль разбирался превосходно. Подойдя к входу в башню, коннетабль, изъявляя почтение к хозяину замка, стал пропускать его вперед, дабы самому войти следом. Однако герцог заторпил гостя, и тот вошел первым. Едва Клиссон оказался в башне, как по знаку герцога дверь захлопнулась, а коннетабля быстро опутали цепями. И когда комендант крепости Бавалан пришел к герцогу за дальнейшими распоряжениями, тот велел ему зашить коннетабля в мешок и бросить в реку.

– Ваш приказ достоин варвара, сударь, – отвечивал Бавалан. – Однако мой долг подчиняться вам.

На рассвете герцог в нетерпении призывает офицера, дабы узнать, исполнен ли его приказ.

– Сударь, приказ исполнен, – говорит Бавалан.

– Несчастный, что ты наделал! Разве ты не понял, что я только в сердцах мог отдать такой приказ?

– Я понял, принц, поэтому коннетабль жив и здоров.

– Ах, друг мой, как я тебе обязан! Обними меня, Бавалан! Отныне ты можешь рассчитывать на меня; тебе я обязан и честью, и жизнью.³

Но человеческое сердце непостоянно: преступление замышляют в бреду страстей, угрызения совести предупреждают проступок или карают преступника, но стоит угрызениям удалиться, как преступление вновь вступает в свои плачевные права и добродетель не в силах одолеть его.

Очень довольный, что коннетабль жив, герцог Бретонский захотел получить за него хороший выкуп. Клиссон пожаловался королю, и тот, желая отомстить за коннетабля, решил немедленно объявить войну Бретани. Герцог Бургундский сумел отговорить короля от этого поступка, и тот удовольствовался деньгами, выуженными у герцога Бретонского, которые тот, в свою очередь, получил от коннетабля. Сделав вид, что он помирился с коннетаблем, Бретонец в душе затаил ненависть к нему; увы, непостоянный характер герцога заставлял его то оскорблять противников, то испытывать угрызения совести, то вести себя низко и подло; мы рассказали об этом для того, чтобы читатель смог лучше разобраться в поведении герцога Бретонского.

³ Настоящий эпизод послужил Вольтеру для создания «Аделаиды Дюгеклен».

Деньги королевства продолжали разбазаривать; происходили небольшие стычки с врагом, несколько не приумножавшие славу государства и выгодные только тем, кто извлекал из них прибыль.

Когда королю исполнился двадцать один год, принцев крови и прелатов призвали на Совет, где, вспомнив о грабительских наклонностях дядьев его величества, было высказано мнение, что отныне Карлу следует править самому. Особенно усердствовал кардинал де Лаон, чем несказанно разозлил герцогов Бургундского и Беррийского, ибо они не ожидали такого решения. Король же, повернувшись к дядьям, поблагодарил их и сказал, что послушается данного ему совета. На следующий день кардинала отравили.

Вот так поступали в те времена с теми, кто пребывал в меньшинстве; анархия питала эгоизм, и, если ваши интересы противоречили интересу сильных мира сего, с вами поступали как с врагом. Трагическая кончина кардинала наделала много шума, но все поняли, в кого был нацелен удар; без сомнения, Изабелла приняла участие в Совете, обсуждавшем освобождение короля от опеки. Собственно, созыв Совета и принятое решение явились результатом интриг Изабеллы и герцога Туренского: удалив от короля всех, кто им препятствовал, они хотели сами руководить королем.

– Эти интриганы достаточно пограбили, – говорила Изабелла герцогу Туренскому, – теперь наша очередь...

Как непривычно звучали такие слова в устах девятнадцатилетней женщины!

Дядьев с отцовской стороны удалили от двора, и начались перемены; подле монарха остались только герцог Бурбонский, дядя короля с материнской стороны, и герцог Туренский, отныне именуемый нами герцогом Орлеанским. Придворные сменились, льстецы прежнего двора испарились. Остались те, кто ранее держался в тени; среди новых фаворитов Буа-Бурдон занял достойное место.

Людовик Орлеанский не знал, что королева расточала милости этому рыцарю, но мы знаем, что Изабелла не скрывала от Буа-Бурдона, что брат ее мужа стал ее любовником; понимая, что не может единолично владеть сердцем королевы, молодой человек решил довольствоваться ролью конфидента. Подобное положение могло сложиться только при развращенном дворе; примеры таковых дворов обильно предоставляет нам XVIII столетие.

Доверенным лицом молодого герцога Орлеанского стал маркиз де Краон. Был ли он достоин этого звания после того, как предал герцога Анжуйского?.. На этот вопрос у нас ответа нет; скажем только, что принцы охотно поверяют свои ошибки тем, кто соображается с нравами времени.

Среди дворян, отныне постоянно присутствовавших при дворе, следует назвать Монтаю, Вилена, Мерсье, Ларивьера и некоторых других, которых поддерживал коннетабль, вновь вошедший в фавор после падения герцога Бургундского; последний по-прежнему поддерживал тесные отношения с герцогом Бретонским, непримиримым врагом Клиссона.

Образовали Государственный совет, состоявший из двух маршалов Франции, коннетабля и еще девяти достойных людей; председателем назначили Армана де Корби, занявшего место Пьера Дежиака, умершего в текущем году. Заботиться о поддержании порядка в городе поручили парижскому прево; после всех перемен Париж наводнили мелкие мошенники, подражавшие своим хозяевам, а потому подлежащие изгнанию. Мошенники и нищие, все жалкие отбросы общества, жили в особом квартале, называвшемся двором чудес; обитатели этого двора легко избавлялись от своих язв, которые они являли публике, чтобы разжалобить ее.

Если бы перемены осуществлялись под мудрым руководством, результатом их стал бы мир; теперь же все только делали вид, что усердствуют во имя мира. Франция освободилась от сторонников англичан, но те, кто занял их место, оказались не менее пылкими поклонниками нации, против которой следовало начинать войну, чтобы вернуть затраченные деньги; но англичане страшились войны, а французы ее не хотели.

Политика герцога Бургундского оказалась удачливой, и неудивительно, что при новом дворе у герцога появились подражатели.

Начали переговоры, в которых были заинтересованы как Ричард II, так и Карл VI; предприятие увенчалось успехом: в середине года военные действия прекратились...

Однако достижения на политическом поприще не вывели молодого короля из состояния апатии; чтобы рассеять его скуку, требовались празднества, заботы о которых пришлось взять на себя королеве; впрочем, такого рода хлопоты пришлись ей по вкусу.

В честь присуждения воинского звания сыну герцога Анжуйского устроили турнир, где Карл появился с эмблемой в виде золотого солнца; доспехи сына герцога Бургундского украшало серебряное солнце.

Рыцари прибыли на турнир в сопровождении самых прекрасных женщин. Когда бойцы и сопровождавшие их дамы вышли на противоположные концы поля, дамы одарили своих кавалеров поцелуями и, бросив прощальный взор, отправились на свои места, предоставив мужчинам в бою заслужить оказанные им милости... Счастливо то время, когда благородные герои совершают подвиги во имя любви!

Дамы заняли места на трибунах, окружавших ристалище; им предстояло судить поединок и раздавать призы победителям.

Турнир прошел прекрасно; однако последовавший за ним бал омрачился недостойным поведением его гостей; на этом балу никто не оказывал уважения ни женской стыдливости, ни девической застенчивости. Слухи о распущенном поведении участников бала долго не умолкали. А так как королева и герцог Орлеанский отказались запретить подобного рода оргии, их обвинили в поощрении непристойного поведения: зная об их последующих поступках, в это легко поверить, а значит, простим возникшие у людей подозрения.

Торжественное погребение в Сен-Дени останков коннетабля Дюгеклена несколько успокоило умы: всем нравится, когда добродетели воздают надлежащие почести. Клиссон, боевой соратник знаменитого воина, руководил церемонией, пышностью своей вполне достойной славы того, чью память двор захотел почтить.

Тогда же герцог Орлеанский женился на Валентине Миланской, дочери Галеаццо де Висконти и Изабеллы Французской, сестре Карла V. Валентина приходилась двоюродной сестрой герцогу Орлеанскому, чьи чувства, как мы видим, ограничивались семейным кругом: в супруги он взял кузину, а в любовницы невестку. Раскол Церкви, руководимый сразу двумя понтификами, объяснял снисходительность к союзу между родственниками, ибо, если бы царила в церковном мире гармония, брак герцога с Валентиной был бы невозможен. Женидьба несколько не повлияла на тайные отношения Изабеллы и герцога, и, как показало будущее, она входила в планы обоих любовников. Но этот брак разжег ревность герцога Бургундского, став первой причиной раздора двух могущественных домов, взаимная ненависть которых принесла Франции плачевные плоды.

Тем не менее свадьба Орлеана послужила поводом для множества празднеств; в это же время двор стал готовиться к торжественному въезду королевы в столицу.

Церемония, занимающая столь важное место в истории Изабеллы, была обставлена с роскошью, небывалой даже для тех времен, когда пышные торжества никого не удивляли, и мы не можем упустить ни единой подробности тогдашних событий и изложим их на основании трудов, заслуживающих доверия историков.

«Въезд назначили на 24 августа 1389 года, день, когда королеве исполнялось двадцать лет. Придворные съехались в Сен-Дени, дабы каждому из них назначили место в соответствии с его рангом. Двенадцать сотен горожан, облаченных в платье двух цветов, красного и зеленого, встретили Изабеллу перед въездом в город. Носилки ее сопровождали герцоги Бургундский, Беррийский, Бурбонский и Орлеанский, а также Педро, брат короля Наваррского, и граф д'Эстреван. За носилками на парадных скакунах ехали герцогини Беррийская и Орлеанская;

принцы крови вели их коней под уздцы. Королева Бланка, герцогиня Бургундская, ее падчерица графиня Неверская, вдовствующая герцогиня Орлеанская, герцогиня де Бар и прочие принцессы передвигались в закрытых носилках, по обеим сторонам которых ехали принцы и знатнейшие вельможи королевства. Дамы из свиты ехали в закрытых повозках или же верхом в окружении оруженосцев и рыцарей.

При въезде в город королеву ожидал шатер с куполом наподобие небесного свода, усеянного звездами, в шатре сидели переодетые ангелами дети и напевали нежные мелодии. Появилась молодая девушка в образе Святой Девы, державшей на коленях младенца; вцепившись ручонками в выточенную из большого ореха мельницу, ребенок вертелся во все стороны. Над источником Сен-Дени натянули полог из голубого сукна, расписанного золотыми лилиями. Девушки в сверкающих одеждах распевали песни и подносили придворным кларет, ипокрас и пряное вино в золоченых и серебряных кубках.

На помосте, воздвигнутом перед монастырем Святой Троицы, французские, английские и сарацинские рыцари разыгрывали представление под названием „Битва христиан с воинами короля Саладина”.

У вторых ворот Сен-Дени также соорудили купол, усеянный звездами, где мальчики из церковного хора в ангельских облачениях, окружив восседавшего на троне самого Господа, пленительными голосами распевали церковные гимны.

Когда королева въехала в ворота, двое ангелочков, отделившись от остальных, увенчали ее голову короной, богато украшенной жемчугом и драгоценными камнями, и пропели четверостишие:

Красавица среди лилей,
Кто королевы нам милей?
И Франция, и каждый край
С такою дамой превратится в рай.

Неподалеку от ворот выстроили деревянный замок, чудо как похожий на настоящую крепость.

Изабелла, изумленная приготовленными для нее чудесами, остановилась полюбоваться представлением, разыгранным для нее в крепости, окруженной зубчатыми стенами, над которыми возвышались вооруженные часовые. На нижнем этаже крепости, открытом для зрителей, стояло пышное ложе, где возлежала молодая девушка, изображавшая святую Анну: живая картина символизировала ложе правосудия; художник, без сомнения, имел в виду Божественных помазанников. Из окружавшей замок рощи горделиво вышел белый олень и проследовал к ложу правосудия; следом за ним появились лев и орел: они и попытались напасть на оленя; тотчас двенадцать девственниц с мечами в руках встали на защиту оленя и ложа правосудия. Известно, что Карл давно выбрал своей геральдической фигурой оленя. Человек, спрятанный внутри оленя, приводил животное в движение с помощью пружины; он же сделал так, что олень схватил меч и стал размахивать им; казалось, он угрожал и его горящие глаза вращались в глазницах.

Вот какие искусные механизмы умели создавать в тот далекий век!

Как только королева въехала на мост Менял, так по канату, натянутому между башен собора Богоматери, начал движение гимнаст. А так как уже смеркалось, в каждой руке он держал по горящему факелу.

Король с интересом наблюдал за устроенными для него зрелищами и даже, чтобы лучше видеть, посадил на круп своего большого савойского коня одного из слуг, а сам сел ему на плечи, рискуя свалиться или даже вызвать гнев сержантов городской стражи, следивших за порядком. В тот вечер королевская шалость стала главной темой шуток придворных.

Парижский епископ встретил королеву у входа в собор; она передала ему в дар четыре золоченых покрывала и венец, полученный ею при въезде в город; ее немедленно увенчали новой короной.

На следующий день в Святой Шапели состоялась церемония коронования. Изабелла прибыла в церковь с распущенными волосами и с короной на голове. Затем весь двор отобедал в пиршественной зале дворца.

Во время пира разыграли представление под названием „Осада Трои”; согласно обычаю, во время перемены блюд гостей развлекали интермедиями. Угощения стояли на огромном столе с фигурными ножками: такие иногда можно видеть и у наших столов; впрочем, наши столы давно уже не поражают своими размерами, и только ножки их иногда напоминают нам о старинных обычаях. В последующие дни устраивались балы и турниры, а в промежутках участники их наслаждались роскошными трапезами. В конце одной из трапез, устроенной королем специально для дам, в зал вошли двое молодых рыцарей в полном боевом снаряжении и, дабы развлечь собравшихся, начали поединок; к ним быстро присоединились другие рыцари.

Во дворец Сен-Поль пришли сорок знатных нотаблей, удостоенных чести преподнести монарху подарки от горожан: они принесли четыре кувшина, шесть тазов и шесть блюд, все из золота. Приняв подарки, Карл сказал: *«Спасибо вам, добрые подданные, подарки поистине прекрасны»*.

Дары, предназначенные королеве, доставили прямо в спальню государыни: двое молодых людей, переодетых один в костюм медведя, а другой – в костюм единорога, принесли сосуд для воды, два флакона, два кубка, две солонки, полдюжины кувшинов и полдюжины тазов, все из золота, и два серебряных таза. Еще двое юношей, с зачерненными лицами и переодетые маврами, доставили посуду герцогине Орлеанской; все эти подарки обошлись городской казне в шестьдесят тысяч золотых крон.

Засвидетельствовав столь рьяно свое почтение, парижане надеялись добиться уменьшения налогов, однако надежды их испарились сразу после отъезда двора. Повысили налог на соль и вдобавок издали запрет на хождение ряда монет. Обращение старых монет, запрещенное под страхом смерти, вызвало особенное недовольство, ибо запрет коснулся в основном мелких монет, прозванных *белянчиками*, и пострадал от него прежде всего бедный люд, чей ропот, дотоле еле слышный, отныне звучал все громче».

По завершении торжеств король отправился в Авиньон, дабы повидать находившегося там Папу Урбана. Затем он задумал посетить свои южные провинции; желая лететь на собственных крыльях, он не позволил дядьям сопровождать его, опасаясь, что они станут препятствовать его замыслам. А Карл решил проверить, насколько правдивыми были письма, поступившие из Лангедока, в которых подданные жаловались на управлявшего провинцией герцога Беррийского и его секретаря Белизака. По причине лихоимства герцога и его секретаря более сорока тысяч разоренных семейств покинули провинцию и отправились в Испанию, забрав с собой как остатки имущества, так и свой талант, и свои умелые руки... Словом, пришла пора разобраться со злоупотреблениями и навести порядок. Белизака подвергли пыткам, он признался в совершенных преступлениях, и его приговорили к смертной казни. Желая избежать гибели, он, на свое несчастье, захотел подкупить королеву, сопровождавшую короля в его поездке, и предложил ей поистине баснословную сумму.

С такой женщиной, как Изабелла, ход вроде бы казался наивернейшим, ибо даже за половину предложенной суммы она готова была продать всю Францию. Королева снеслась с герцогом Беррийским, и тот, обнаружив понимание с ее стороны, также решил отблагодарить ее и вручил ей сумму, немногим меньшую, нежели Белизак. Затем сообщники уговорили Белизака солгать и отречься от воровства, в котором его обвиняли. Но король непременно хотел устроить показательный суд, а согласно закону, отказ Белизака от показаний снимал возведенные на него обвинения; следовательно, надо было придумать для секретаря иную вину;

тогда решили обвинить его в богохульстве. В те темные и суеверные времена такое обвинение вело напрямик на эшафот, но, так как еретики подлежали суду церковному, а герцог Беррийский пользовался особым доверием Папы, у Белизака появлялся шанс заслужить прощение, ибо сообщники пообещали вызволить его из лап Церкви. На самом деле они лишь ускорили гибель Белизака; разъяренный уловкой, грозившей отнять у него виновника, которого он обещал выдать обществу, король сделал все, чтобы узник не улизнул, и Белизака приговорили к костру. На эшафоте несчастный отрекся от преступления в ереси, за которое его отправили на костер, и вновь признался в лихоимстве, единственном преступлении, которое ему можно было вменить. Однако хитрая Изабелла, пообещав избавить его от приговора королевского суда, опасалась его признаний и сделала все возможное, чтобы погубить несчастного. Так что своей жестокой смертью Белизак заплатил и за свои грабежи, и за неудачный подкуп.

Вот какие жестокие поступки совершала Изабелла в том счастливом возрасте, когда души наши, следуя велениям самой природы, преисполнены исключительно чистотой и благородством.

Так стоит ли удивляться тем злодеяниям, кои в дальнейшем воспоследуют?!

Коннетабль Клиссон во многом способствовал разоблачению казнокрадства герцога Беррийского, равно как и Белизака; узнав об этом, Изабелла затаила к нему ненависть. Если бы не Клиссон, возможно, Белизак остался жив, а значит, она смогла бы и дальше тянуть из него деньги; поэтому коннетабль стал ее смертельным врагом. Герцог Беррийский разделял ее чувства; напомним, что зерна этой ненависти проросли также и в душе герцога Бретонского, который, как мы знаем, уже отомстил коннетаблю, главному врагу Англии, за стремление освободить сына Карла Блуаского; когда Клиссон станет жертвой ненавидевших его заговорщиков, мы об этом еще вспомним.

Согласно показаниям Буа-Бурдона, из которых мы черпаем необходимые нам факты, королева сопровождала супруга в его поездке в Лангедок. Историки же, напротив, утверждают, что королева не совершала поездку в Лангедок, и в качестве доказательства приводят пари, якобы заключенное между королем и герцогом Орлеанским, пожелавшим узнать, кто из них быстрее прибудет из Монпелье в Париж к собственной жене. Но если король не расставался с супругой, как мог он спешить к ней в Париж?! Увы, исторические истины редко бывают бесспорными, и мы начинаем сомневаться: кому же верить?

Понимая, что король может воспрепятствовать ее склонности к вымогательству, Изабелла, довольная совершенной сделкой, решила удалить супруга, увлечь его идеей Крестового похода и отправить подальше от Франции, дабы почувствовать себя свободной и начать самостоятельно править государством.

– Сир, – заявила она однажды, – ваше пристрастие к оружию и ваш воинский талант прозябают самым непростительным образом; ваши военачальники и солдаты пребывают в праздности, и я уже вижу, как оружие выпадает из их ослабевших рук и славные страницы истории вашего царствования остаются ненаписанными, ибо заполнить их нечем. Вашему величеству известно, почему провалился прекраснейший и благороднейший план Людовика Святого: обураваемые честолюбием и стремлением выкроить себе хоть какое-нибудь королевство, герои Крестовых походов пожертвовали славой Господней ради личной славы. Вам надлежит исправить их ошибки, сир. Ваши воины сгорают от желания отправиться в благочестивый поход. А разве вам не хочется во главе своих воинов выступить в поход за освобождение Гроба Искупителя нашего? Спешите вырвать Гроб Господень из рук неверных, само присутствие которых оскверняет священный монумент самой почитаемой из религий. Небо благословит ваше предприятие, и лавры, кои оно голосом моим призывает вас стяжать, в урочный день станут венцом, возложенным вами к подножию трона Господня. Я же, оставшись у кормила правления, позабочусь о государстве, разделив свои заботы с теми, на кого вы возложите обязанность

помогать мне. Я ежедневно стану истово молиться за успех предприятия, достойного и вашей отваги, и ваших добродетелей.

Зная, насколько суверен ее супруг, Изабелла не сомневалась, что он непременно загорится такой идеей.

– О да! – пылко воскликнул король. – Да, дражайшая супруга, я достоин исправить оплошности моих предков; твой небесный голос подействовал на меня, как подействовал на Моисея глас Господа на горе Хорив; голос, прозвучавший из неопалимой купины, повелел Моисею идти освобождать своих братьев от постыдного гнета фараона.

Исполненный благочестия Карл начал сборы; возможно, он бы даже и предпринял эту сумасбродную экспедицию, если бы на Совете один из мудрых не заметил, что нынче лучше потрудиться ради воссоединения Церкви, пребывающей в состоянии раскола, нежели, вооружившись, идти в Крестовый поход за Гробом Господним.

Тогда Карл решил отправиться в Италию, дабы заставить римлян подчиниться и поклясться в верности Папе Клименту.

План, предложенный Изабеллой, рухнул, но она быстро утешилась. Во-первых, ей удалось завладеть собранными для похода в Палестину деньгами, каковые она обещала королю сохранить, если он впоследствии захочет отправиться в Крестовый поход, а во-вторых, ей достались деньги, полученные от Папы в награду за поддержание рвения короля не отступать от своего замысла.

Когда вопрос о войне с Италией был решен, настало время составить список войск, которым предстояло преодолеть Альпы. Король намеревался повести за собой четыре тысячи копий; герцоги Бургундский и Беррийский собрали по две тысячи копий каждый, герцог Бурбонский – тысячу копий, коннетабль – две тысячи, еще по тысяче копейщиков должны были следовать за Кузи и Полем.

Карл велел герцогу Бретонскому присоединиться к походу, однако тот, полагая поход сей несвоевременным и неуместным, а главное, противоречащим его личным интересам, подчиниться отказался.

Герцогу Орлеанскому приказали остаться, и судите сами, до какой степени это распоряжение обрадовало Изабеллу.

– Забудь о лаврах славы, – говорила она любовнику, – ибо на груди моей тебя ожидают мирты блаженства. Вера – чувство более возвышенное, нежели любовь, а потому оно достаточно сильно, чтобы поддерживать само себя; мы же направим все силы на соблюдение наших собственных интересов, ибо более священных интересов я не знаю.

С той поры люди, поднаторевшие в политике, стали замечать, что при дворе постепенно складываются две противоположные партии. Во главе одной стояла королева, жаждавшая, как мы только что видели, удалить короля, дабы увеличить свое богатство и влияние. Другую партию возглавили герцоги Бургундский и Беррийский, не представлявшие угрозы для Изабеллы; чувствуя поддержку герцога Орлеанского, королева была уверена, что сумеет воспользоваться отсутствием короля, если тот отправится на войну, равно как и обмануть монарха, если тот на войну не отправится.

В результате раскола вельможи, вместо того чтобы пользоваться благами всеобщего мира, принялись исподволь раздувать пожар раздора, дабы, благодаря смуте, обогатиться за счет друг друга.

Верный слуга короля и, следовательно, заклятый враг Изабеллы, коннетабль не сумел заставить герцога Бретонского, сердцем и душой преданного англичанам, соблюдать взятые им на себя обязательства. Герцог оказался в стане королевы, прекрасно относившейся к любым врагам королевства, лишь бы те открывали перед ней свои сундуки. И не важно, жаждали ли они войны или, напротив, войны не хотели.

В Ренн отправили депутацию, но посланцы французского короля быстро поняли, что герцог водит их за нос; похоже, Бретонец был уверен, что грядущие события, известные пока ему одному, вскоре освободят его от принятых на себя обязательств.

Напомним, недавно герцог сыграл с коннетаблем дурную шутку, а затем, вынужденный вернуть выкуп, полученный от коннетабля, обложил жителей Бретани новыми податями, дабы возместить ущерб, нанесенный его казне.

Небезызвестный маркиз де Краон, о гнусном предательстве которого мы уже упомянули, играл при дворе довольно важную роль. Друг и конфидент герцога Орлеанского, осведомленный о его нежных отношениях с королевой, он исполнял при герцоге ту же роль, которую Буа-Бурдон исполнял при Изабелле: только эти двое были в курсе тайных интриг королевы и Орлеана. Состоя в родстве с герцогом Бретонским, заклятым врагом коннетабля, маркиз де Краон примкнул к партии Изабеллы, и ради него королева пообещала герцогу Бретонскому оказывать поддержку всем его предприятиям. Заинтересованный в сохранении тайны обоих любовников, Краон тем не менее предал их и рассказал обо всем Валентине Миланской, позабыв о том, что предательство зачастую грозит опасностью для самого предателя. Впрочем, в этом случае нам необходимо кое-что разъяснить.

Между герцогом, Изабеллой и герцогиней Орлеанской существовал преступный сговор, гнусный по сути своей, однако предостерегавший Орлеана и королеву от нескромности недоброжелателей. Карл имел ту же слабость, что и герцог Орлеанский: герцог любил жену брата, Карл любил свою невестку. Изабелла охотно уступила своего супруга Валентине – при условии, что та уступит ей своего. И все устроилось как нельзя лучше; не догадываясь о сговоре, без сомнения возмущившем бы его, Карл был вполне удовлетворен ценой, которую враги заставили его заплатить за счастье.

Таким образом, нескромные речи маркиза де Краона никого не трогали, ибо ничего нового он не сообщал, тем не менее они снискали ему неприязнь Изабеллы и двух других участников сговора, решивших отомстить болтуну. Предлог нашелся без труда, ибо вел себя Краон вызывающе. Попав в немилость, беззастенчивый маркиз бежал во владения герцога Бретонского, вести переговоры с которым ему недавно доверила королева, и попросил там пристанища. Узнав об опале Краона, герцог не стал посвящать беглеца в свои замыслы, однако, убедившись, что тот готов содействовать ему в осуществлении мести коннетаблю, внушил ему, что причиной всех его несчастий является исключительно Клиссон; маркиз поверил, и скоро мы узнаем, к чему это привело.

В конце концов герцог придумал, как натравить друг на друга двух могущественных врагов как королевы и герцога Орлеанского, так и его самого, а также заронить в душу несчастного маркиза надежду вернуть былое расположение властей предержащих. Втайне проводя свою политику, герцог придумал способ, как примирить Краона с королевой, но не раньше чем ему это будет выгодно; одновременно он хотел сохранить в лице маркиза союзника, на чей ум всегда можно положиться. Королева вполне могла простить маркиза, ибо своими откровениями он никому не навредил, тем более что вскоре он сослужил им всем службу, подняв руку на Клиссона, врага гораздо более опасного, чем он сам.

Переговоры происходили в Туре, во время встречи короля с герцогом Бретонским, куда вскоре поспешила Изабелла: ей не терпелось увидеть герцога.

На встречу коннетабль явился в кричащем костюме, очень похожем на тот, в котором, демонстрируя всем свое богатство, прибыл герцог Бретонский. Королева, выступавшая посредницей, на самом деле активно помогала герцогу, полагая в дальнейшем использовать его для своих честолюбивых замыслов.

Во время этой встречи герцог Бретонский помирил ее с Краоном, а Изабелла устроила его брак с одной из своих дочерей, заключив сей коварный альянс с единственной целью – придать сторонникам Англии еще больше блеска; Франция оказалась связанной брачными узами

с принцем, охотно служившим ее врагам. После заключения брака все разъехались по своим владениям.

Герцог Бретонский не торопился возвращаться в Ренн; подстрекаемый Изабеллой, он только и думал, как бы нарушить обещания, данные своему монарху.

По возвращении из поездки король почувствовал первые симптомы безумия. Если бы для его лечения использовали иные средства, нежели те, что были применены к нему, возможно, тяжелых последствий удалось бы избежать; к несчастью, мало кто стремился доподлинно исцелить его; имея причины не столько остановить болезнь, сколько усугубить ее, его лечили исключительно празднествами и развлечениями, которые устраивали те, кто разжигал смуты.

Долгое время подозревали, что королева давала вдыхать или глотать государю особые порошки, составленные специально для нее итальянскими монахами, некоторое время назад выписанными ко двору за большие деньги. После приема этих порошков состояние короля – в зависимости от нужд Изабеллы – менялось то в худшую, то в лучшую сторону.

Но разве можно по своему усмотрению оказывать влияние на человеческий разум?

Если причины болезни известны, если ее можно исцелить, значит, ее можно и вызвать; если есть яды, способные лишить человека физических возможностей, почему яды, обладающие иным составом, не могут отрицательно повлиять на его умственные способности? Разве умственные способности не имеют физическую природу, не являются продолжением способностей телесных? Разве не доказано, что все способности человека теснейшим образом связаны друг с другом? Разве состояние души больного человека не отличается от состояния души здорового? Разве душа может существовать без теснейшей связи с телом? Иначе говоря, разве духовные способности не являются одновременно и способностями физическими? Если яд может изъязвить мягкую перегородку желудка, значит, он может поразить и мозг, став причиной безумия. А если вредоносное воздействие зависит только от природы яда, кто поручится, что поиски ботаников не помогут нам изготовить как один яд, так и другой? Однако всегда следует помнить о том, сколь часто мы заблуждаемся в наших предположениях, а заблуждения, как известно, приводят к ложным выводам. Можно ли наши нравственные качества приравнять к качествам физическим? Усомнившись в этом, мы вновь вернемся в темные века, сумерки коих, к счастью для нас, уже рассеялись; так будем же безбоязненно судить о наших качествах. Безумие, отрицательно воздействуя на нашу нравственность, разрушает ее, ибо нравственность имеет физическую природу; все, что претит нравственности, несомненно наносит ущерб и физическому состоянию, и наоборот. Поэтому безумие, будучи болезнью, затрагивающей одновременно и тело, и душу, может возникнуть внезапно; так же внезапно его можно излечить; говоря иначе, его можно и возбудить, и исцелить.

В сущности, мы вторим словам монахов, продававших яды, а потому не ручаемся за их правдивость; не назовем мы и растения, из которых они их извлекали; даже владей мы сей наукой, мы бы поостереглись разглашать подобные тайны.

Кое-какие утверждения из признаний Буа-Бурдона подтверждают наши рассуждения, но мы предлагаем читателю самому их осмыслить. Возможно, ниже мы попробуем разъяснить некоторые из высказанных нами предположений, особенно важных для нашей истории. Но мы все время будем стараться ограничиться ролью рассказчика.

Королева не успокаивала супруга, а, напротив, делала все, чтобы поддерживать его в состоянии возбуждения. В Венсенне она создала непристойный *двор любви*, устроенный по образцу дворов суверенных монархов. Членами этого возмутительного сообщества являлись не только наизнатнейшие придворные, обладатели высоких званий и титулов, но и доктора теологии, великие викарии, капелланы, кюре, каноники. Истинные друзья нравственности изумлялись, глядя на столь чудовищное объединение, характеризовавшее, по словам нынешних историков, развращенность того грубого века, когда *люди не владели искусством предаваться*

пороку, сохраняя приличия. Увы, подобную максимум нельзя назвать нравственной, ибо порок всегда опасен, тайный он или явный. Но более всего он опасен, когда маскируется под добродетель...

Возможно, кто-то из любопытства попросит нас подробно описать упомянутые нами собрания; мы бы удовлетворили его просьбу, если бы самым строгим образом не запретили бы себе любые рассказы, оскорбляющие приличия. Так что читателю придется удовольствоваться только упоминанием о *дворе любви* Изабеллы, нечистом храме, где воскуряли благовония чувствам, не имеющим ничего общего с деликатными. Собрания королевы ничем не напоминали *суды любви*, проходившие в Авиньоне; возглавляемые воспетой Петраркой Лаурой, на тех судах царили дарованные Богом добродетели, оскорблявшиеся в Венсенне.

Постоянные празднества способствовали интригам: под покровом веселья всегда удобнее устраивать заговоры. В те дни герцог Туренский получил от короля герцогство Орлеанское и в дальнейшем стал именовать себя герцогом Орлеанским, от названия полученного герцогства; признаем, в нашем рассказе мы наградили его этим именем слишком рано.

В это же время Краон совершил покушение на коннетабля; предвидя подобное преступление, мы заранее сообщили его причины, хотя, как нам кажется, несмотря на варварство того испорченного века, подобного рода злодеяния ни при каких обстоятельствах не должны бы марать руки французского дворянина.

Краон давно накапливал у себя в доме различное оружие. За несколько дней до совершения преступления к нему в дом под покровом ночи явились сорок негодяев; почти все они являлись уроженцами Бретани.

– Друзья мои, – обратился к ним Краон, – речь пойдет о мести за вашего принца. Вам известно, что коннетабль Клиссон сильно провинился перед герцогом Бретонским. Посвященный во все его тайны, он предал его; не будучи уверенным, что истина сможет погубить герцога в глазах короля Франции, он присовокупил к словам правды низкую клевету: осмелился сказать, что ваш повелитель заключил преступный альянс с англичанами, направленный против Карла Шестого. Эта гнусная ложь имела целью разгневать монарха, дабы тот из чувства мести перенес военные действия в Бретань. Война в Бретани давала коварному и честолюбивому Клиссону верный шанс прославиться. Если бы Францией по-прежнему управлял герцог Бургундский, король никогда бы не доверился Клиссону: ему открыли бы глаза на вероломство коннетабля. Герцог Бретонский хотел уничтожить Клиссона, но потом отпустил, назначив выкуп. Бретонец сохранил ему жизнь, а неблагодарный Клиссон повел себя по отношению к герцогу отвратительно. Друзья, пришла пора отомстить за вашего повелителя: приказываю не щадить негодяя, вооружайтесь, сразите предателя и исполните долг честных людей. Завтра, когда коннетабль поедет мимо дома, нападите на него; пусть мошенник умрет у ваших ног. Я не призываю вас идти против закона: ваш поступок угоден Небу, кое в справедливости своей хочет наказать преступника; угоден он и нашему повелителю, ибо мы мстим за него; он будет угоден и Карлу Шестому, потому что мы избавим его от самого опасного человека среди всех смертных. Тот из вас, кто со мной не согласен, пусть остается. Для тех, кто следует за мной, приготовлены булавы, мечи, кинжалы...

И Краон взял в руку меч.

– Пусть сталь, зажата в руке мстителя, – вскричал он, – первой пронзит сердце виновного. И пусть ни угрызения совести, ни раскаяние не смутят умы ваши; испытывая отвращение к незаконному убийству, мы гордимся, когда одним ударом мстим за Господа и честь короля.

Все берут оружие и приносят клятву повиноваться ему.

Для позорного убийства выбрали День праздника Святых Даров. В те невежественные времена, исполненные суеверий, особенно жестокие злодеяния совершались в дни церковных праздников, словно виновники их хотели взять в союзники само Небо.

Смеркалось. Неожиданно разразилась гроза, погрузившая Париж во мрак.

Мы не утверждаем, что заговор стал причиной грозы; мы всего лишь хотим сказать, что горизонт, очистившись, вновь померк. На улицах ни души; воцарившаяся повсюду тишина напоминала о смерти.

В тот вечер во дворце Сен-Поль происходило очередное торжество, на котором, по обыкновению, присутствовал весь двор; начавшийся после ужина бал затянулся глубоко за полночь.

Наконец коннетабль покинул дворец и отправился домой; дом его находился на том месте, где впоследствии вырос особняк Субизов. Часы показывали час ночи, когда Клиссон в сопровождении восьми слуг, державших в руках факелы, пересек улицу Кюльтюр-Сент-Катрин. Несколько убийц, налетевших на слуг Клиссона, загасили их факелы, и коннетабль перестал видеть, с кем он имеет дело. Решив, что виновником глупой выходки является молодой герцог Орлеанский, он воскликнул: «Я знаю, мой повелитель, вы решили подшутить надо мной, но, поверьте, такая шутка не достойна ни вас, ни меня».

И тут подал голос Краон.

– Коннетабль, – произнес он, – это не герцог Орлеанский, это я... Я хочу освободить Францию от ее злейшего врага; довольно разговоров, вам пора умереть. Бейте, бейте, – трусливо продолжил он, обращаясь к тем, кто следовал за ним, – и не щадите никого, кто попытается защитить его.

Напрасно восемь слуг коннетабля пытались оказать сопротивление: их вместе с хозяином окружили со всех сторон. Но слуги сумели убежать, а Клиссон остался один на один с убийцами, и, не будь на нем кольчуги, которую он всегда носил на теле, его бы непременно убили.

В темноте он никак не может догадаться, кто его противник... Мрак столь глубок, что несколько убийц ведут поединок друг с другом. Испугавшись мужественно оборонявшегося Клиссона, наемники убегают, рассыпаются по близлежащим улицам и возвращаются в дом Краона. Самый яростный разбойник наносит коннетаблю сильнейший удар, тот падает с коня прямо на незапертую дверь булочника, и та под напором тела коннетабля раскрывается. Слабый свет, исходящий из лавки, повергает нападающих в ужас, и они разбегаются. Клиссон остается лежать без сознания.

Вернувшиеся слуги окружают раненого, а один из них мчится предупредить короля о случившемся. Карл как раз собирался отойти ко сну: в чем был, он вскочил на коня позади посланца и повелел гнать во весь опор. Вбежав к булочнику, он увидел коннетабля в луже крови и хлопочущих вокруг людей, пытавшихся остановить кровь.

– О мой дорогой Клиссон, – воскликнул король, – кто напал на тебя?

– Сир, – ответил коннетабль, – ваши враги, которые одновременно являются и моими врагами. Ибо всем известно, как я люблю ваше величество, и этого негодяи не могут мне простить.

– Но кто они, друг мой?

– Сир, это Краон, я узнал его; он приказал трусливо убить меня; я не боюсь назвать его имя, потому что, желая убить меня, он хочет нанести ущерб вам.

– Коннетабль, – произнес король, – чтобы покарать гнусного убийцу, мне достаточно того, что он покушался на вашу жизнь. А так как затронуты еще и мои интересы, месть моя будет вдвойне сурова.

Тем временем нашли и привели врачей.

– Осмотрите коннетабля, – приказал им король, – и скажите, на что я могу надеяться. Его страдания – это и мои страдания, и, если вы исцелите его, вы получите гораздо больше, нежели если я заболею от волнения...

И добрый Карл, склонившись над другом, оросил слезами раны коннетабля.

– Сир, – произнес растроганный Клиссон, – если я и сожалею о пролитой крови, с коей смешались ваши слезы, то лишь потому, что не пролил эту кровь на поле брани, сражаясь с вашими врагами.

– Коннетабль, ты будешь жить.

– В любом случае мой последний вздох будет посвящен моему государю, – отвечал Клиссон, сжимая руки своего повелителя.

Раненый так разволновался, что раны его открылись, и врачи попросили короля удалиться.

– Я уйду, – ответил Карл, – но обещайте мне, что он будет жить, иначе я остаюсь.

– Он будет жить, сир, мы за него отвечаем.

– Тогда я удаляюсь, – успокоившись, произнес король. – Прощайте, коннетабль, и берегите себя: только так вы сможете доказать, что любите меня.

На прощание король поцеловал друга...

О, как отрадно, когда король роняет слезы при виде ран своего военачальника, не раз проливавшего за него кровь! Воистину монарх, готовый плакать над несчастьями преданных ему слуг, должен быть любим своими подданными!

В тот же вечер парижскому прево приказали арестовать убийц Клиссона. Но слуги убийц предупредили, а выносливые кони помогли им спастись от людского правосудия; оставалось уповать на правосудие Господа, редко оставляющее безнаказанным столь отвратительные преступления. Арестовали нескольких невинных людей, и среди них каноника из Шартра, у которого останавливался Краон, но самого виновника преступления не нашли. Домчавшись до Сабле, Краон укрылся в одной из принадлежавших ему крепостей на границе Мена и Бретани. Узнав, что Клиссон остался жив, он перестал чувствовать себя в безопасности даже в собственном замке и вскоре бежал к герцогу Бретонскому; герцог сначала посмеялся над ним, а потом упрекнул, что тот не сумел использовать прекрасную возможность отомстить.

– Сударь, – возразил Краон, – видно, сам черт решил спасти Клиссона, ведь мои люди нанесли ему не менее шестидесяти ударов.

– Следовательно, вы совершили два больших промаха, – ответил герцог. – Во-первых, вы напали на него, а во-вторых, напали, но недобили.

С Краоном поступили по всей строгости закона. Дом его разрушили до основания, а на его месте устроили кладбище; сегодня это кладбище Святого Иоанна. Улица, проходившая мимо дома Краона, получила название улицы Злых Ребят; название сохраняется и поныне. Конфискованное у него имущество досталось герцогу Орлеанскому. Снесли до основания не только собственный дом Краона, но и все дома, в которых он когда-либо проживал. При дворе даже стало хорошим тоном присутствовать при разрушениях домов маркиза; впрочем, когда лезть оказывает почести добродетели, мы готовы простить ее.

Супругу преступника, Жанну Шатийонскую, и его единственную дочь изгнали из дому в одном рубище; с ними поступили несправедливо, ибо они не были ни в чем повинны; только ужас, испытанный монархом при виде окровавленного Клиссона, оправдывал эту жестокость.

Как только стало известно, что Краон нашел убежище у герцога Бретонского, Карл потребовал его выдачи; герцог ответил отказом, причем в достаточно резкой форме, и королевский Совет объявил войну герцогу.

Не все считали поступок маркиза преступлением. У Клиссона при дворе имелось немало врагов: его упрекали в нечестно нажитых богатствах и в алчности; упреки исходили прежде всего от герцогов Беррийского и Бургундского, то есть тех, кто хотел бы завладеть землями и замками Клиссона.

Наша обязанность поведать читателю, кто на самом деле явился подстрекателем покушения, и показать, что действовал он из тех же самых побуждений, что и убийцы Клиссона, завидовавшие его состоянию.

Мы помним, как королева поссорилась с Краоном, когда тот злоупотребил доверием ее любовника, герцога Людовика Орлеанского. Однако герцог Бретонский намекнул ей, что от коннетабля вреда несравнимо больше, ибо тот имеет влияние на короля, несказанно богат

и каждодневно увеличивает свое состояние, потому он куда опаснее, нежели Краон, чью нескромную болтовню легко пресечь. К тому же Краон единственный, кто настолько храбр, что может избавить ее от коннетабля; тем более, судя по слухам, маркиз считает Клиссона единственным виновником своей немилости при дворе.

Помирившись с предателем, мстительная Изабелла быстро сообразила, как чужими руками устранить одного из своих врагов. В самом деле, одно из двух: если Краон преуспеет, она избавится от Клиссона, а если у него ничего не получится, ее избавят от болтливого Краона.

План обсудили во время переговоров в Туре; советчик королевы, герцог Бретонский, также оставался в выигрыше: либо он избавлялся от своего заклятого врага Клиссона, либо Краон, представлявший опасность для тех, кто его использовал (вспомним, как он предал герцога Анжуйского), оказывался в опале и удалялся от двора. Как и королева, герцог Бретонский выигрывал от этого покушения, каким бы исходом оно ни завершилось.

Изабелла немедленно поведала свой замысел любимчикам: сначала Буа-Бурдону, тотчас его одобвившему, а затем герцогу Орлеанскому, с коим она по-прежнему состояла в любовной связи. Желая заручиться его поддержкой, она изложила уже известные читателю соображения за и против и пообещала поделить с ним имущество того, кто станет жертвой покушения. Прельщенный богатствами, алчный Орлеан одобрил план и пообещал всяческое содействие.

Изабелла свела его с маркизом, присутствовала при их переговорах, и под ее руководством союзники договорились, что Орлеан, присоединившись к убийцам, возможно, сам нанесет удар несчастному, чьи владения для него оказались чрезвычайно притягательными. Какой жестокий расчет! Напомним, когда коннетабль услышал приказ погасить факелы, ему показалось, что он узнал голос герцога Орлеанского, поэтому он и попросил прекратить эту дурную шутку, не приставшую ни ему, ни герцогу. Вспомним, что удар, отбросивший Клиссона на дверь булочника, нанес тот, кто более всех был заинтересован устранить его. А когда встал вопрос, кто же нанес последний удар, сначала указали на Орлеана, а потом на Краона. Почему же Краон не выдал своего сообщника герцога? Потому что сообщник пообещал ему вознаграждение, и маркиз надеялся получить хотя бы часть его. Орлеан же, наследуя имущество жертвы, кто бы ею ни оказался, мог ускорить ее смерть и сам нанести удар. Но скорее всего и он, и Краон действовали по указке Изабеллы, раздававшей направо и налево свои коварные советы. Убеждая любовника забрать себе вещишки убитого, она хотела остаться вне подозрений и вместе с тем не упустить своей выгоды.

Нам еще не раз придется напоминать, что сама природа наделила Изабеллу тягой к преступлению и одновременно поразительной изворотливостью, дабы отводить от себя подозрения.

Искать замысливших и осуществивших покушение на коннетабля надо среди тех, кому это преступление выгодно. А кому оно более выгодно, если не королеве, не герцогам Орлеанскому и Бретонскому? Увы, приходится признать сию печальную истину. Ибо долг историка заключается не только в перечислении известных всем фактов; старательно следуя за своими героями, историк обязан находить утраченные в цепи событий звенья или же восстановить их в согласии с истиной. Иначе вся история свелась бы к простой хронологии событий. В нашем случае мы опираемся на показания, сделанные перед смертью главным конфиденнтом королевы, а такие показания обладают силой факта.

Изабелла видела врага и в Краоне, и в коннетабле – этот вывод подкреплён здравыми рассуждениями и признанием приговоренного к смерти конфиденнта; что еще нужно для установления истины?!

Тем временем в Бретани назревала война. Карл твердо решил отомстить за Клиссона, об отмене экспедиции и речи быть не могло. Однако герцог Бургундский не хотел начинать военные действия; имея общие интересы с королевой, он пока еще не снискал ее полного доверия, они пока шли по разным дорожкам, но в одном направлении.

Все заинтересованные лица наперебой уговаривали короля повременить с походом; врачей заставили во всеуслышание заявить, что здоровье короля не позволит ему встать во главе армии.

Не обращая внимания на советы врачей, Карл готовился к походу; узнав, что Краон покинул Бретань, он велел ускорить сборы, хотя герцог уверял его, что Краон давно уже находится в Арагоне. Усмотрев в уговорах придворных стремление предать его и спасти маркиза, он заявил, что ничто и никто не помешает ему отправиться на войну против строптивого вассала, вознамерившегося обмануть его.

5 апреля 1393 года армии предстояло выступить в поход.

Тем временем Изабелла вместе с принцами убеждала всех, включая короля, что смешно вооружать всю Францию ради мести за человека, повинного в лихоимстве не более, чем кто-либо иной из обвиненных в этом пороке. Но ее речи действия не возымели: армия выступила в поход; оставалось надеяться, что какое-нибудь неожиданное событие положит конец этому походу.

Противники войны имели серьезные основания воспрепятствовать королевскому предприятую, и нетрудно догадаться, что, обладая талантом придавать видимость правды любой лжи, они сделали все, чтобы оказаться правыми.

Сбылись предсказания врачей: здоровье короля резко ухудшилось. Черная меланхолия сменялась приступами необузданной ярости, а когда ярость проходила, он впадал в отчаяние, ибо понимал, что пребывал во власти безумия. Безумец счастлив, пока живет своими иллюзиями, но что делать, когда повязка упала с глаз? Он становится несчастнейшим из смертных...

В день отбытия из Манса государь чувствовал себя, как никогда, отвратительно: он едва коснулся блюд, поданных ему на завтрак. Когда он наконец тронулся в путь, армия его уже маршировала по дороге на Анже.

Несмотря на жару, Карл кутался в теплый плащ; бледный, печальный, задумчивый, он первым въехал в лес; свита держалась на почтительном расстоянии, опасаясь помешать размышлениям монарха.

Внезапно из-за деревьев выскочил призрак в черном и схватил под уздцы коня Карла.

– Король, – прозвучал замогильный голос, – остановись! Поворачивай назад, ибо тебя предали!

При виде жуткого, искаженного насмешливой гримасой лица привидения Карл задрожал...

Стражники спешат, кто-то ударил призрака по рукам, он отпустил поводья и помчался к лесу. Никто его не задержал... не остановил! Такая небрежность заставляет думать о многом! Словно всех заранее предупредили о появлении призрака и приказали не мешать ему и не преследовать его.

Когда король и его свита выехали из леса, паж, везший копье короля, неосторожно задел им шлем своего товарища. От звона железа Карл встрепенулся, ему вновь почудился призрак, с криком он выхватил меч и устремился на ехавших позади пажей и оруженосцев... «Кругом предатели!» – кричит он, и четверо слуг падают, сраженные его ударами.

Герцог Орлеанский устремился к брату с намерением разоружить его, но герцог Бургундский остановил Орлеана.

– Осторожно, не торопитесь, – сказал он племяннику, – а то он и вас убьет.

В эту минуту Мартель, дворянин из Нормандии, исполнявший обязанности камергера короля, изловчился вскочить на коня позади своего повелителя и обхватил его, прижав руки короля к туловищу; подоспевшие слуги обезоружили монарха, ссадили его с коня и, конфисковав запряженную быками повозку, уложили его и повезли в Манс. Король пребывал без сознания.

– Возвращаемся, – сказали принцы. – Кампания окончена.

И армии отдали приказ отступать. Короля привезли в Манс в тяжелом состоянии; все вокруг опасались за его жизнь. Кто-то предположил, что его отравили; подававшиеся утром королю вина и блюда попробовали заново, но яда не обнаружили; похоже, для этого преступления использовали иное зелье.

Лекари списали все на усталость: король давно чувствовал слабость и пребывал в подавленном настроении. Принцы приписали случившееся колдовству. И никто не видел, или же не хотел видеть, что загадочным призраком руководила та же самая коварная личность, которая устроила покушение на Клиссона.

Говорят, в это время королева носила под сердцем плод своей преступной связи с герцогом Орлеанским; в этом ребенке, равно как и в его отце, брате Карла, она видела тех, кто в случае смерти короля обретал законное право на трон. Для Изабеллы любовник на троне был бы полезнее, нежели безумный супруг, особенно если предположить, что разум к нему не вернется, а значит, он все время будет находиться под опекой дядьев и власть их прекратится только с его смертью. Словом, она очень надеялась, что устроенный ею в лесу спектакль будет стоить Карлу жизни. Узнав, что король остался жив, она немедленно сообщила об этом герцогу Орлеанскому, и тот, желая ее утешить, убедил ее, что поддерживать короля в состоянии легкого безумия для них даже выгоднее, ибо в таком случае на него легко можно повлиять; следить же за действиями дядьев для них труда не составит. Так завершилась новая интрига Изабеллы.

Обладала ли королева средствами поддерживать супруга в нужном для нее состоянии? Разумеется, средства у нее имелись. Вспомните, мы уже говорили вам об этом; и как ни тяжело в это поверить, но приходится признать, что она прекрасно знала о слабоумии короля; именно поэтому она возлагала надежды на призрака, костюм которого сделали по ее приказу верные ей умельцы.

Фарс с призраком придумали двое: Изабелла и Орлеан. И чтобы никто в этом не усомнился, мы приведем вам убедительные доказательства.

Новость о безумии короля взволновала всю Францию. Несмотря на неумение Карла держать в руках бразды правления, народ любил своего монарха, ибо тот никогда не пытался обмануть его; народ всегда отделял его слабости от его благородства и, оплакивая слабости, воздавал должное благородству: такова истинная душа французов! Любя и почитая своих монархов, они всегда готовы забыть об их недостатках, дабы прославлять их добродетели.

Но после происшествия в лесу в стране фактически стали править два дяди короля; прошлым фаворитам пришлось немедленно удалиться от двора.

Защищать Клиссона с оружием в руках никто более не собирался, и королева решила как можно скорее расправиться с ним.

Между Орлеаном и принцами встал вопрос о дележе власти. Принцы передали Совету право решить, будут править они или же Людовик; впрочем, молодость герцога Орлеанского казалась им достаточно веской причиной, чтобы его не допустили к кормилу власти.

Историки убеждают нас, что Клиссон рассчитывал на защиту и дружбу герцога Орлеанского, и мы обязаны объяснить почему; иначе те, кто не верит нашему рассказу, смогут обвинить нас во лжи.

Как могло случиться, что враг королевы, Клиссон, стал другом ее любовника? Объясняем: герцог Орлеанский притворялся, называя Клиссона другом; с помощью этой уловки герцог, поощряемый Изабеллой, замаскировал их гнусный замысел погубить коннетабля. А если бы покушение вновь сорвалось, любовники притворились бы, что они, напротив, защищали Клиссона.

Пока погубить коннетабля не удавалось, они делали вид, что дорожат его дружбой, но сами только и ждали удобного случая, чтобы покончить с ним.

Разве могли враги коннетабля не воспользоваться обстоятельствами, столь удачно сложившимися в их пользу? О войне в Бретани все забыли, двор перестал роптать против поборов на бессмысленный поход, никто не преследовал убийц коннетабля, значит, пора наконец уничтожить внушавшую всем страх гидру! Возвышение Клиссона всегда вызывало недовольство у принцев, и они решили, что пришла пора от него избавиться.

Коннетабль прибыл во дворец Артуа получить распоряжения от герцога Бургундского. Его тайные враги в сборе, его смерть предрешена; осталось организовать судебный процесс.

– Клиссон, – заявил герцог Бургундский, – вам не следовало вмешиваться в дела правления; теперь вам предстоит ответить за свою ошибку; полагаю, вряд ли вы сумеете объяснить, откуда у вас столь огромные богатства.

Клиссон удалился, оставив вопрос без ответа; только добравшись до дому, он осознал, какая опасность ему угрожает. Почитая герцога Орлеанского своим другом, он попытался заручиться его поддержкой, но Людовик, дабы не встречаться с ним, отправился в Крей к своему брату-королю. Видя, что остался в одиночестве, Клиссон бежит из собственного дома через потайную дверь, добирается до Монлери, где стоит один из его замков, и там узнает, что отдан приказ задержать его. Он бежит к себе в Бретань, где сразу несколько крепостей готовы предложить ему убежище. Следом в провинцию прибывают посланцы парламента – задержать Клиссона и доставить его в суд, однако найти коннетабля им не удастся. Впрочем, королеве только этого и надо: у нее свой расчет.

– Если он явится, – размышляла она, – король, который по-прежнему любит коннетабля, помиует его; если же приговор вынесут заочно, он погиб.

О, кто еще из женщин сумел столь тонко постичь искусство губить врагов?

Коварная женщина быстро поняла, что, если Клиссон предстанет перед судом, его обвинят в преступлениях, не находящихся в компетенции обычного правосудия, и поэтому решать его участь станет король. И чтобы наверняка погубить его, она добилась приказа о его аресте; в составленном на скорую руку приказе написали, что коннетабль лжец, предатель, злоумышленник и строит козни против властей. Несчастного приговорили к штрафу в сто тысяч марок серебром и лишили должности, передав ее зятю герцога Беррийского Филиппу д'Артуа. Гонцы, отправленные в Бретань забрать у обвиняемого меч коннетабля, до Клиссона не добрались; коннетабль же, не получив уведомления ни об отставке, ни о приказе отобрать у него меч, узнал о назначении нового коннетабля и выразил протест против столь наглой узурпации. Протест, впрочем, остался без внимания.

Настал черед разъяснить политику, проводимую Изабеллой и Орлеаном.

Когда король готовился к войне в Бретани, Орлеан заверил Клиссона в своей поддержке и покровительстве. Но как мог он, принадлежа к партии ненавистников коннетабля, предлагать тому свои услуги и оказывать поддержку?

Пролить свет в этом лабиринте могут только протоколы допроса Буа-Бурдона. Любовник спрашивал об этом королеву, и та ему ответила:

– Милый мой друг, ты еще новичок в политике; знай, самый лучший способ погубить человека – сделать вид, что ты готов быть ему полезным. Людовик лгал, обещая Клиссону свою поддержку; мы оба желаем смерти коннетабля, потому что доверие, которым он пользуется у короля, представляет опасность для нас обоих. Мы способствовали его побегу, и мы же продиктовали приказ о его аресте, который его погубит.

Услыхав ответ королевы, фаворит вздрогнул и удалился, не сказав ни слова.

Здоровье короля оставляло желать лучшего. Тем не менее его величество присутствовал на ложе правосудия, как именовалось торжественное заседание парламента, и способствовал выработке мер для предупреждения хаоса, грозившего стране в случае, если трон внезапно окажется свободным.

Согласно эдикту Карла V, для наследников трона Франции совершеннолетие наступало в четырнадцать лет; и опеку над малолетним дофином поручили королеве, герцогам Беррийскому, Бургундскому, Бурбонскому и Людовику Баварскому, брату королевы. Опекуны получали право пользоваться доходами с герцогства Нормандского, с Парижа и виконтства Парижского, а также с балыжей Санлис и Мелен. Вместе с опекунами за дофина нес ответственность специальный Совет, состоявший из трех прелатов, шести дворян и трех клириков. Совет создали на случай, если после смерти государя королева решит вновь вступить в брак и, как следствие, лишится права опеки.

Раздосадованная таким постановлением, связавшим ее по рукам и ногам, королева, однако, высказала свое неудовольствие только Буа-Бурдону. Изабелле, мечтавшей о безграничной власти, о том, как она приберет к рукам все крупные состояния королевства, решение парламента не могло прийтись по вкусу. Но кое-что ее порадовало: будучи братом короля, герцог Орлеанский становился несменяемым регентом; теперь власть, полученная Орлеаном, в соединении с властью королевы позволяла любовникам приносить столько вреда Франции, сколько требовалось для удовлетворения их честолюбия.

Существование Карла несколько омрачало их планы. Им приходилось нацеплять на себя маску добродетели, дабы под ее прикрытием предаваться разврату и являть свой отвратительный нрав.

Однако стоило этой опасной парочке заключить политический союз, как случилось происшествие, навлекшее на обоих лицемеров весьма серьезные подозрения.

Врачи советовали королю как можно меньше заниматься делами и как можно больше развлекаться. По случаю бракосочетания одной из приближенных королевы с шевалье де Вермандуа Изабелла устроила у себя во дворце пиршество, а потом бал. Карл придумал нарядиться вождем дикарей и тащить за собой на веревке плененных соплеменников, иначе говоря, Юга де Гисе, графа де Жуаньи, Амана де Пуатье и Иоанна де Нантуье, бастарда де Фуа; сшитые из холста костюмы дикарей были пропитаны смолой, позволившей налепить на них пучки шерсти. На дикаря, остановившегося возле Орлеана, державшего в руках факел, случайно – говорить иначе у нас нет достаточных оснований – упала искра. Вспыхнувший огонь мгновенно перебросился на всех остальных дикарей, за исключением короля: герцогиня Беррийская стремительно накинула на его величество свой плащ и увела его прочь. Спасся также и Нантуье, моментально прыгнувший в кадуюшку с водой; остальные же сгорели.

Мы не знаем, почему историк Вилларе, вопреки свидетельствам современников, расцвечивает рассказ об этом происшествии ложью, утверждая, что короля возле дикарей не было, хотя ясно, что именно он вел этих дикарей на веревке. Еще он пишет, что, услышав о пожаре, королева, волнуясь за жизнь любимого супруга, якобы упала в обморок, хотя к этому времени она уже несколько лет жила с герцогом Орлеанским и вместе с ним придумала поджечь дикарей. После назначения герцога регентом король стал для него препятствием на пути к неограниченной власти; и Орлеан стал желать смерти брата.

И еще: если Карла, по словам Вилларе, не было в это время на балу, тогда почему, как пишет далее Вилларе, королева содрогнулась, услышав об опасности, которой избежал ее супруг? Как мог он подвергаться опасности, если его там не было? Неразрешимое противоречие! Неужели серьезный историк может исказить истину? Увы, приходится признать его недочеты; мы же в нашем рассказе приводим только факты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.